Столяров В.И. (1973). Исторический метод познания в современной науке. – М., «Знание», 1973. – 64 с.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Введение 3
Понятие исторического метода 6
Эволюция исторического метода ..………………………………… 12
Формы исторического метода в современной науке ..………... 25
Функции исторического метода …………………………………… 32
Правомерность отвлечения от истории изучаемого предмета …... 45
Заключение ………...……………………………………………..... 62

В В Е Д Е Н И Е

/3/ Одной из характерных черт процесса научного познания, особенно если речь идет о современной науке, представляет собой активная деятельность исследователя.

В различных условиях, в связи с решением многообразного типа задач, ученый в процессе познания осуществляет различные действия. Каждое из них может осуществляться исследователем по-разному, с помощью определенных средств. Различен может быть и порядок (последовательность) выполнения тех или иных действий.

В зависимости от того, какие действия осуществляет исследователь в процессе познания, как он их осуществляет и в каком порядке, имеет место тот или иной метод (способ) познавательной деятельности. Под методом познания понимается, следовательно, некоторое отдельное действие или совокупность упорядоченных, связанных между собой действий (операций), применяемых исследователем для решения определенных познавательных задач (метод от греч. Methodos – следование, прослеживание).

На первый взгляд метод познания выступает чем-то субъективным, противопоставленным объекту. Согласно такому взгляду, как писал Гегель, метод поставлен как орудие, как некоторое стоящее на субъективной стороне средство, через которое оно соотносится с объектом» [Гегель. Наука логики. Соч. т. VI. – М.: Госсоцэкгиз, 1939. – С. 299]. Субъективизм, абсолютизируя эту сторону метода познания, рассматривает его в качестве некоторых субъективных манипуляций, операций, которые исследователь осуществляет с целью активного преобразования неопределенного чувственного материала во что-то определенное, /4/ но которые (манипуляции) чужды объекту и обусловлены только потребностями субъекта. Такой подход к методу познания характерен, например, для многих современных позитивистов и прагматистов.

На самом деле, однако, метод познания не является произвольным. Для достижения истинных знаний об изучаемом объекте исследователь должен строить свою деятельность так, как того «требуют», т. е. обусловливают сам этот объект, те задачи, которые решает исследователь, и те условия, в которых протекает его деятельность. Как указывал Маркс, в ходе познания «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, С. 7].

Выбор исследователем правильного метода познания имеет огромное значение для успешного решения стоящих перед ним задач. Если ученый будет действовать методом «проб и ошибок», он едва ли достигнет успеха, а если и достигнет, то ценой огромных усилий, затраченных на преодоление дополнительных, излишних препятствий и трудностей. Напротив, выбор правильного метода (способа) познания, правильная организация научного исследования помогают ученому кратчайшим путем прийти к истинному знанию. Не случайно еще английский материалист Ф. Бэкон сравнивал метод с фонарем, который освещает путь. Ученого, который не имеет правильного метода познания, он, уподоблял путнику, бредущему в темноте и ощупью отыскивающему себе дорогу. Он остроумно заметил, что даже хромой, идущий по, дороге, опережает того, кто бежит по бездорожью, Подобным же образом значение выбора правильного метода познания оценивал и II. Лаплас. Он считал, что научить метод, которым пользовался ученый, делая гениальное открытие, не менее важно для науки, чем само это открытие.

Вот почему вопросу о правильном методе познания всегда придавалось важное значение в науке. Г. В. Плеханов писал, например: «…те из западноевропейских социалистов, которые с гордостью «ведут свою родословную», между прочим, «от Гегеля и Канта», придают гораздо больше значение *методу* исследования общественных явлений, чем данным его результатам. Ошибка в результатах *непременно* будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких *частных* случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой *частной* истине» [Плеханов Г. В. Соч., М.. ГИЗ, 1956, т. II, стр. 151].

Особая важность вопросам, связанным с выбором правильного метода познания и решением соответствующих проблем, т. е. методологических проблем, придается в настоящее время в современной науке. Это связано с ускоренным развитием науки, с коренной ломкой научных понятий и всего строя мышления, усложнением процесса познания, исключительно быстрым научно-техническим прогрессом.

В решениях XXIV съезда КПСС особое внимание обращается на то, что современный научно-технический прогресс ставит еще более ответственные задачи перед нашей наукой, требует повышения ее эффективности. Важнейшую роль в этой связи приобретает анализ методов научно-

го познания, применяемых в современной науке. Осмысление сущности и достоинств различных научных методов, исследование способов, условий и границ их применения является важнейшим условием их эффективного использования в современной науке и повышения эффективности самой науки.

Общей методологией современного научного познания является, как известно, материалистическая диалектика.

Эта наука раскрывает наиболее общие, т. е. действующие в природе, обществе и мышлении, законы изменения и развития.

На основе этого она анализирует современные методы научного исследования, выясняет их функции в процессе познания, их генезис и эволюцию.

Одним из методов материалистической диалектики в современном научном познании является исторический (генетический) метод. К этому методу обращаются ученые самых различных наук (как общественных, так и естественных) – социологи, лингвисты, археологи, биологи и т. д. /6/ Все они изучают определенные изменяющиеся и развивающиеся объекты и при решении самых различных задач, возникающих в ходе такого изучения, применяют исторический метод.

ПОНЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Исторический метод применяется в процессе познания изменяющихся и развивающихся объектов. Познание такого рода объектов – сложный и многосторонний процесс, в ходе которого исследователь осуществляет разнообразные действия. В частности, исследователь делает предметом познания различные стороны и особенности изменяющихся (развивающихся) объектов, решая в связи с этим определенные познавательные задачи.

Для решения различных познавательных задач, возникающих в ходе, познания изменяющихся и развивающихся объектов, исследователь изучает различные объекты и их стороны, делая материалом изучения какое-либо одно или несколько состояний изменяющегося предмета, его развитое или неразвитое состояния, сам процесс изменения и т.д., а также выводит из одних знаний другие знания. Решение различных познавательных задач требует получения различных знаний об изменении и изменяющихся объектах, воспроизведения в знании их различных сторон. В частности, при решении ряда познавательных задач исследователю приходится воспроизводить историю изучаемого предмета. В других же случаях нет необходимости в этом и требуется рассматривать иные его стороны.

Под историческим методом мы понимаем метод решения задач, встающих в ходе познания какого-либо предмета, путем воспроизведения (т. е. путем получения знания о его истории).

Для уяснения сущности исторического метода важно разъяснить, что мы имеем в виду под историей предмета. С этой целью рассмотрим

прежде всего некоторые особенности того процесса, который мы называем процессом изменения предмета.

/7/ На каждом шагу мы постоянно сталкиваемся с самыми разнообразными процессами. Наблюдая эти процессы, мы говорим об изменении того или иного человека, об изменении погоды я т. д. Многочисленные науки специально изучают те изменения, которые претерпевают предметы и явления реального мира. В физике анализируют, например, атомные, электронные и нуклонные движения, изменения поля, квантовые флуктуации. В биологии рассматриваются изменения веществ, связанные с жизнедеятельностью организмов, исследуются преобразования, претерпеваемые организмами в индивидуальном развитии и в ходе эволюции видов. Геологи исследуют минералы, процессы образования и разрушения горных пород. Лингвисты изучают трансформации словарного и звукового состава языка, грамматического строя, значения слов. Всевозможные изменения в структуре общества и отдельных составляющих его элементов являются предметом исследования целого ряда общественных наук.

Такой интерес к анализу изменений не случаен. Научное исследование этих процессов имеет громадное практическое значение для управления. Исследование тех процессов, которые происходят в живых организмах, позволяет управлять эволюционным развитием, создавать новые виды растений и животных. Изучение изменений, претерпеваемых химическими веществами в тех или иных условиях, взаимопревращений элементарны ч частиц и т. п. служит основой практического использования этих процессов.

Однако не всякий человек, и даже не всякий ученый, может однозначно и точно ответить на вопросы о том, что такое изменение и чем оно отличается от других процессов. Допустим, мы рассматриваем такие разнообразные явления, как возникновение новых видов растений животных, превращение веществ в результате химической реакции, смена деталей на станке, обращение планет вокруг Солнца, социальные революции и др. Можно ли эти явления, казалось бы столь различные, объединить в одно понятие «изменения»? И что в таком случае понимается под ним? На эти вопросы дает ответ материалистическая диалектика.

Формулируя понятие изменения, диалектика исходит из того, что изменяется всегда некоторое явление, /8/ некоторый предмет, будь то живой организм, планета, общество, минерал и т. д.[1]

Что значит «предмет изменяется»? Прежде всего это означает, что у него появляются некоторые новые признаки, а ряд ранее присущих ему признаков исчезает. Так, в результате нагревания серы до температуры 112,8°C у нее вместо желтого появляется красновато- бурый цвет, последний, в свою очередь, при температуре 444,5°C сменяется оранжево- желтым. Наука установила, однако, что ничто не возникает из ничего и ничто не исчезает бесследно. Еще античные философы школы Эпикура утвер-

ждали, что «на ничего ничто не творится». Лукреций, например, так истолковывает этот принцип:

Если бы из ничего в самом деле являлися вещи,
Всяких пород существа без всяких семян бы рождались:
Так, например, из морей возникали бы люди, из суши –
Рыб чешуйчатых род и пернатые, с неба срывался б
Крупный и мелкий скот, и пород бы диких животных
Разных, неведомо как, появлялись в полях и пустынях.

Претерпевая изменение, предмет не исчезает бесследно. От него всегда нечто остается. Так, азотная кислота под влиянием света претерпевает определенное изменение, постепенно разлагаясь на воду, кислород и двуокись азота. В этом процессе изменения у азотной кислоты исчезают присущие ей физические и химические свойства, разрушаются связи элементов ее структуры, вследствие чего и сама эта кислота, как таковая, исчезает. Вместе с тем некоторые ее элементы сохраняются. В частности, атомы кислорода, водорода и азота, входившие ранее в ее состав, после разложения азотной кислоты не исчезают бесследно, а продолжают существовать, образуя новые вещества: воду, кислород и двуокись азота.

---

[1] Противоположную позицию в понимании процесса изменения занимают философы типа А. Бергсона, Александера и других, но мнению которых, изменение не предполагает изменяющегося предмета. *«Есть изменения,* – заявлял, например, А. Бергсон, – *но нет меняющихся вещей: изменчивость, не нуждается в подпоре»* (А. Бергсон. Восприятие изменчивости. СПб, 1913, стр. 28).

/9/ Вот почему для всякого изменения, как учит диалектика, характерно не только появление нового, новых признаков и исчезновение старого, но и сохранение каких-то сторон, черт, признаков прошлого этапа развития предмета. В этом проявляется та важнейшая особенность изменения, что данный процесс всегда неразрывно связан с относительной устойчивостью изменяющегося предмета.

Нельзя поэтому отождествлять процесс изменения просто с процессом, упускать из виду неразрывную связь данного процесса с сохранением, устойчивостью изменяющегося предмета. На самом деле процесс изменения предмета будет иметь место лишь тогда, когда наряду с исчезновением некоторых сторон данного предмета, появлением у него новых сторон и т. д. этот предмет сохраняет некоторые свои стороны (элементы сторон и т.п.), т. е. в какой-то форме продолжает существовать, сохранять относительную устойчивость.

В результате изменений, происходящих с каким-либо предметом, он либо переходит из одного состояния в другое, либо преобразуется в совершенно иной предмет. Поясним различие этих двух возможных типов изменения, происходящих с каким-либо предметом.

При определенных условиях у изменяющегося предмета могут сохраняться его основные закономерности, элементы структуры, связи, короче – все наиболее существенные стороны предмета, без которых невоз-

можно его существование, как такового. Вместе с тем, Поскольку данный предмет все же изменяется, постольку наряду с. сохранением указанных сторон у него исчезает (появляется, сменяется) ряд несущественных сторон. В этом случае предмет переходит из одного состояния в другое. Такое изменение претерпевает, например, капиталистическое общество, когда домонополистический капитализм преобразуется в империализм. В процессе этого изменения сохраняются основная структура и главные закономерности капиталистического общества, хотя и происходит исчезновение некоторых старых его особенностей и появление новых:

Однако изменения предмета могут привести к замене основных элементов структуры данного предмета, к коренному преобразованию всей его структуры, к смене всех его главных – закономерностей. /10/ В результате данный предмет преобразуется в предмет, обладающий качественно иной структурой, специфическими закономерностями, иной сущностью. Например, в процессе развития капиталистического общества происходит не только преобразование домонополистического капитализма в империализм. В ходе социалистической революции на смену этому общественному строю приходит совершенно иной по своей сущности общественно- экономический строй- социализм.

Два предмета, один из которых возник из другого, находятся в генетической связи. Генетическая связь – не просто временная связь, как иногда полагают, а связь, характеризующая процесс изменения, процесс перехода одного предмета в другой. В этой связи находятся, следовательно, не просто такие предметы, одни из которых появился раньше, а другой позднее, но я такие, одна из которых возникает из другого, в результате его изменения и по времени следует за ним (в такой генетической связи находятся, к примеру, капитализм и социализм).

На основе введенных выше понятий теперь можно разъяснять понятие истории предмета и исторического метода. Говоря об истории предмета, мы имеем в виду изменения, в ходе которых, он возникает на некоторого предмета, переходят из одного состояния в другое и преобразуется в иной предмет.

Исторические метод выступает, следовательно, как метод решения задач, возникающих в ходе познания какого-либо предмета, путем воспроизведения истории данного предмета, т. е. изменений, в ходе которых он возникает из некоторого предмета, переходит из одного состояния в другое и преобразуется в иной предмет. Когда экономист в процессе познания капиталистического общества для решения определенных задач воспроизводит историю данного общества (процесс его возникновения, процесс его перехода из одного состояния в другое и процесс преобразования в другой по сущности общественный социальный строй – социализм), он пользуется историческим методом познания. Когда биологи в процессе изучения живых организмов обращаются в истории того или другого жи-

вого организма (какого-то вида живых организмов), они также пользуются историческим методом.

/11/ Применение исторического метода предполагает, следовательно, познание изменения и развития изучаемых предметов и. явлений. При этом ученым приходится решать целый ряд сложных проблем, связанных с уяснением сущности этих процессов, их «механизма», причин и т. д. Так, например, ученые лишь в настоящее время начинают приходить к уяснению подлинной сущности, «механизма» и причин таких сложнейших процессов, как процесс образования планет и других небесных тел, процесс развития поверхности Земли, эволюции живых организмов, и т. д.

Решение упомянутых проблем нередко затрудняется и теми условиями, в которых ученым приходится изучать изменение и развитие, историю изучаемых предметов. Так, например, лишь относительно редко имеется возможность непосредственного наблюдения изучаемого процесса изменения и развития – главным образом, в таких науках, как физика, химия и др. Как правило, ученые лишены возможности непосредственного наблюдения изучаемого исторического процесса. Это может иметь место, в частности, вследствие того, что изучаемый процесс протекает в гигантски большие по сравнению с жизнью исследователя сроки. Так, в астрономии за все время существования этой науки не удалось зафиксировать сколько-нибудь существенные изменения наблюдаемых небесных тел (за исключением изменений сравнительно небольшого числа объектов, находящихся в неустойчивом состоянии, как, например, образование туманностей из продуктов взрыва новых и сверхновых звезд, дезинтеграции комет и т. п.).

При воспроизведении какого-либо исторического процесса ученые зачастую имеют дело лишь с современным состоянием изменяющегося и развивающегося предмета, т. е. с определенным результатом данного истерического[4] процесса, и лишены возможности непосредственно изучать его исходный пункт.

Так, при познании истории изучаемых в геологии объектов ученые имеют дело лишь с современным состоянием земной коры; астрономы лишены возможности непосредственно исследовать прошлое состояние Солнечной системы ит. и. В таких случаях возникает необходимость в применении определенных приемов реконструкции неизвестного прошлого элемента генетической связи на основе изучения одних лишь результатов процесса.

/12/ При изучений истории ученым нередко известий лишь отдельные элементы прошлых состояний; изменяющегося и развивающегося предмета, находимые им в современном состоянии этого предмета, в частности, различного рода «пережитки», «следы» прошлых явлений т. д. Например, историк может изучать формирование человека и человеческого

общества лишь на основе археологических данных, не имея возможности непосредственно наблюдать или экспериментально воспроизвести данный процесс. Аналогичные трудности встают при изучении эволюции растений и животных. Биологи располагают лишь различными палеонтологическими данными. Поскольку эта «палеонтологическая летопись» подвергалась в течение многих миллионов лет различным Геологическим воздействиям, в ней образовалось много «разрывов», неопределенностей.

При познании истории изучаемых предметов и явлений, в ходе применения исторического метода ученым приходится сталкиваться и со многими другими трудностями. Длительная практика изучения процессов изменения и развития в самых различных науках показывает, однако, принципиальную возможность преодоления этих трудностей, адекватного отражения исторического Процесса в логике понятий, успешного применения исторического метода. Применение этого метода дало блестящие результаты и при познании общественных явлений, сознания человека, живых организмов, поверхности Земли и других предметов явлений.

При этом важно учитывать, что в ходе развития науки сём исторический метод постоянно видоизменялся, уточнялся, совершенствовался, т. е. претерпел длительную и сложную эволюцию.

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

Само понятие исторического метода, как отчетливо осознанного методологически обоснованного приема мышления, впервые появилось в трудах так называемых «исторических школ» в общественных науках – в правоведении, политэкономии, истории и т.д.[1] /13/ Однако представители этих «исторических школ» понимали исторический метод как метод изучения прошлого, причем само познание прошлого они рассматривали как средство идеализации и оправдания этого прошлого.

В противовес такому пониманию исторического метода издавна зародилось и постепенно пробивало себе дорогу иное понимание исторического метода – как метода познания, основанного на воспроизведении истории предмета. Мысль о необходимости исторического метода, понимаемого таким образом (хотя и не всегда называемого этим именем), мы встречаем уже у Декарта, Гёте, Гумбольдта, Канта и многих других. Так, например, Декарт в «Рассуждении о методе» отмечал» что природу материальных вещей «гораздо легче познать, видя их постепенное возникновение, чем рассматривая их как совершенно готовые» [2]. Кант, впервые сделавший попытку применить исторический метод в изучении астрономических явлений, писал," что «знание естественных вещей – как они, *есть теперь*- всегда заставляет желать еще и знания того, чем они *были* прежде, а также через какой ряд изменений Они прошли, чтобы в каждом данном месте достигнуть своего настоящего состояния»[3].

Исторический метод, понимаемый как метод познания, который предполагает воспроизведение истории предмета, активно пропагандиро-

вал и пытался применить в самых различных областях знания Гегель, хотя часто при этом допускал существенные ошибки, поскольку сам исторический метод рассматривался и применялся им на идеалистической основе.

Выдающаяся роль в разработке и применении исторического метода на материалистической основе в области общественных наук принадлежит прежде всего Марксу, Энгельсу и Ленину. Обобщив достижения различных наук, опираясь на революционную практику самого передового класса современности - пролетариата, классики марксизма-ленинизма создали научную диалектику, всесторонне разработали теорию развития объективного мира и его познания. Тем самым они придали принципу историзма недостававшую ему научность, сделали его господствующим в научном мышлении и превратили его я строгий и стройный метод научного познания.

---

[1] См. Г. А. Подкорытов. Специфика исторического метода и его роль в познании,- Вестник ЛГУ, сер. экономики, философии и права, вып.4., 1966, № 23.

[2] Р. Декарт. Избранные произведения. М., Госполитиздат, 1950, стр. 294.

[3] И. К а н т. Соч., т. 2. М., «Мысль», 1964, стр. 452.

/14/ Та эволюция, которую исторический метод претерпел в ходе развития научного познания, затрагивает самые различные стороны, аспекты этого метода, а именно: как, в какой форме воспроизводится история предмета в ходе применения исторического метода, какие изменения предмета рассматриваются при этом, для каких целей применяется исторический метод, какова сфера его применения и т. д.

Рассматривая эволюцию исторического метода, можно отметить, в частности, тот факт, что первоначально этот метод основывался на воспроизведении исторического процесса как эмпирически наблюдаемой, конкретно-хронологической последовательности сменяющих друг друга во времени явлений, без вскрытия внутренних закономерностей исторического процесса. Сведение исторического метода к такой его форме было характерно, например, для представителей упомянутых выше «исторических школ» в общественных науках. Они ограничивали исторический метод одним эмпирическим описанием и подбором фактов, характеризующих какой-либо исторический процесс, призывая отказаться от теоретического изучения данного процесса, от воспроизведения его внутренних закономерностей. Применительно к общественным наукам исторический метод понимается таким образом, как правило, и в работах современных буржуазных историков. Это свидетельствует о кризисе буржуазного историзма, что связано с особыми социальными и культурными условиями эпохи империализма.

В работах классиков марксизма-ленинизма исторический метод впервые выступил в иной форме – как метод, предполагающий воспроизведение исторического процесса в его внутренних, закономерностях и понимание наблюдаемых конкретно-хронологических событий, «зигзагов» истории как внешней формы проявления этих внутренних закономерностей в тех или иных конкретных условиях. /15/ Эмпирическое описание и подбор фактов, касающихся какого-либо исторического процесса, высту-

пает при этом лишь как первоначальная стадия применения исторического метода.

При анализе эволюции исторического метода важно учитывать, что на разных этапах своего развития (а в настоящее время в различных отраслях науки, а кроме того; на разных этапах познания) он выступает как метод, а» предполагающий воспроизведение различных изменений изучаемых предметов и явлений. Причем, по мере дальнейшего развития исторического метода, он связывается е воспроизведением все новых типов изменения.

Для понимания эволюции исторического метода в злом отношении важно иметь в виду, в частности, различие двух типов изменений: изменений, приводящих к появлению таких предметов и явлений, которые в своих чертах, особенностях, повторяют предметы и явления, существовавшие раньше, и противоположных им изменений, которые приводит к появлению качественно новых предметов, и явлений, не существовавших ранее. Изменения первого типа обычно называют функционированием, а также «повторяющимися изменениями», изменения же второго типа часто называют «историческими изменениями», а также развитием (в противоположность функционированию)[1].

[1] См. например, Современные проблемы эволюционной теории Л., «Наука», 1967, стр. 7.

Различие этих изменений можно иллюстрировать на таких простых примерах. Если, допустим, в речи говорящих на определенном языке- индивидов происходят тайне изменения, которые вполне укладываются в рамки существующих (существовавших) диалектов и типов языка, то имеет место функционирование языка, не приводящее к появлению качественно нового, ранее не существовавшего диалекта или типа языка. Если же эти изменения приводят к появлению качественно новых форм, которые раньше никогда не встречались и не встречаются, то имеют место исторические изменения. Подобным же образом, когда впервые был построен космический корабль, это было историческое изменение, поскольку появился совершенно новый, /16/ не встречавшийся ранее тип летательного аппарата. В отличие от этого, создание того или иного космического корабля в настоящее время является (в указанном отношении) примером повторяющегося изменения.

С фактом наличия двух указанных типов изменения связаны определенные особенности эволюции исторического метода. Для правильного понимания этих особенностей необходимо учитывать, в свою очередь, наличие двух различных типов наук. Есть науки (например, гражданская история, археология и др.), в которых ученых интересуют не только классы, типы предметов, но и определенные индивидуальные явления (те или иные

исторические личности, события, предметы и т. д.). С другой стороны, существуют науки (например, физика, химия и др.), где ученых, как правило, не интересуют те или иные индивидуальные предметы сами по себе, а лишь их общие, типические черты и особенности.

В науках первого рода исторический метод с самого' начала выступал в форме воспроизведения не только функционирования, но и развития предметов. Однако первоначально здесь исследовались изменения, которые являются развитием лишь в отношении к индивидуальным предметам, рассматриваемым во всей их конкретности, неповторимости (по отношению же к существующим качественно определенным типам предметов они выступают как функционирование). Длительное время здесь не рассматривали изменения, которые приводят к возникновению качественно новых типов предметов. Так, попытки воспроизведения истории тех или иных "общественных явлений, а следовательно, применения в общественных науках исторического метода предпринимались с давних пор. Однако исследователи при этом в лучшем случае раскрывали смену конкретных, индивидуальных исторических событий, явлений, личностей, не выявляя процессы, связанные с появлением новых типов экономического строя, типов государства и т. д. Лишь Маркс, на основе анализа экономических общественных отношений, на основе введенных им понятий общественно-экономической формации, базиса, надстройки и др., по сути, дела, впервые изучил указанные процессы и тем самым поднял на качественно новую ступень исторический метод в общественных науках.

/17/ Следствием этого явилось и то изменение исторического метода, о котором уже упоминалось выше, – от воспроизведения эмпирически наблюдаемой смены общественных явлений, ученые перешли к рассмотрению внутренних закономерностей исторического процесса и внешних форм их проявления.

Как отмечал Ленин, «анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации.* Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания... общественных явлений к строго научному анализу их...» [1].

Иные особенности эволюция исторического метода в рассматриваемом отношении имела в тех науках, в которых ученые, в силу специфических задач познания, как правило, не интересуются историей индивидуальных предметов, как таковых. В этих науках исторический метод первоначально был связан с воспроизведением лишь функционирования изучаемых предметов, их повторяющихся изменений.

К. А. Тимирязев, анализируя эволюцию исторического метода в биологии; отмечал, например, что первоначально этот метод, предполагал «исследование одного и того же организма на последовательных ступенях его зачаточного существования», истории какого-либо организма, в результате которой он переходит из одного состояния в другое, оставаясь представителем того же вида [Тимирязев К.А. Исторический метод в био-

логии. М.-Л., 1943, С. 16–17]. Данные изменения организмов, если отвлечься от индивидуальных особенностей возникающих организмов и их отдельных состояний, представляют собой функционирование. Именно как функционирование они и воспроизводились биологами» В такой форме исторический метод впервые появился в эмбриологических и сравнительно-эмбриологических исследованиях (прежде всего в трудах Вольфа и Бэра). Лишь работы Ламарка и прежде всего Дарвина подняли исторический метод на новую ступень – он выступил – как метод, /18/ предполагающий воспроизведение не только функционирования, но и развития организмов. Это произошло за счет того, что биологи стали рассматривать эволюцию видов живых организмов, в ходе которой одни качественно определенные виды преобразуются в качественно иные виды, не существовавшие ранее.

Очень четко рассматриваемая линия развития исторического метода прослеживается в таких науках, как физика, химия и др. Лишь сравнительно недавно здесь наметился переход к применению такого исторического метода, который предполагает воспроизведение не только повторяющихся изменений, как это было раньше, но и исторических изменений. Этот переход к новой форме исторического метода связан с развитием практики и теоретическими успехами данных наук.

В химии применение такой формы исторического метода было вызвано, во-первых, интенсивным процессом создания совершенно новых, ранее не существовавших химических веществ, во-вторых, постановкой целого ряда познавательных задач, предполагающих воспроизведение исторических изменений (так, например, была поставлена задача объяснить плотность распределения химических веществ на Земле, для чего необходимо воссоздать историю их первоначального образования). Основу для применения исторического метода в этой новой форме создали теоретические успехи химии. Так, учение Менделеева о химических элементах позволило выдвинуть целый ряд обоснованных, гипотез о происхождении «видов» химических элементов. Тот факт, что в биологии, физике, химии и некоторых других науках в течение длительного времени воспроизводилось только функционирование (повторяющиеся изменения) предметов, а не их развитие (исторические изменения), объясняется двумя причинами: 1) изменения изучаемых здесь предметов, приводящие к появлению качественно новых, не существовавших раньше, типов этих предметов, протекают в гигантски большие по сравнению с жизнью исследователя (даже поколений ученых) сроки; 2) ученых в этих науках, за редкими исключениями, не интересует непосредственно история тех или иных индивидуальных предметов (отдельных экземпляров какого-то класса предметов), как таковых.

/19/ Возникает вопрос: насколько правомерно рассматривать воспроизведение повторяющихся изменений (функционирования), даже

если оно осуществляется с целью решения определенных познавательных задач, как некоторую форму исторического метода?

Отвечая на данный вопрос, мы должны сослаться прежде всего на то, что с точки зрения принятых в данной работе определений и в случае функционирования (повторяющихся изменений), и в случае развития (исторических изменений), мы имеем дело с некоторыми изменениями, в результате которых определенный предмет возникает, переходит из одного состояния в другое и преобразуется в иной предмет.

В этом отношении вполне правомерно рассматривать воспроизведение повторяющихся изменений, если оно применяется как метод решения определенных познавательных задач, как исторический метод.

Кроме того, и это главное, вряд ли целесообразно вообще рассматривать в качестве исторического метода только воспроизведение развития, исторических изменений. Дело прежде всего в том, что различие повторяющихся и исторических изменений относительно: повторяющиеся изменения в определенном отношения выступают как исторические, и наоборот.

Допустим, некоторый предмет переходит из одного состояния в другое, новое состояние, которое отличается от предыдущего и в котором он еще никогда не находился. По отношению к состояниям данного предмета рассматриваемое изменение является историческим, ибо появляются новые состояния предмета, не существовавшие раньше. Но это же изменение выступает как повторяющееся, если его оценивать по отношению к самому изменяющемуся предмету или по отношению к тому виду, представителем которого он является (последнее имеет место в том случае, если в аналогичных состояниях уже находились или находятся какие-то другие предметы данного вида). Так, например, преобразование феодального строя в России в капиталистический – это исторические изменения данного общественного строя. Но в определенном отношении оно выступает и как повторяющееся изменение, ибо капиталистический строй раньше появился и существовал уже в других странах (Англии, Франции и др.).

/20/ Не учитывая прежде всего эту относительность различия повторяющихся и исторических изменений, в литературе довольно часто воспроизведение изменений, первого рода вообще не рассматривают как форму исторического метода, Последний связывается с отражением только процесса развития, исторических изменений. Правда, мнения по вопросу о том, какие изменения считать развитием, существенно расходятся. Одни считают, что всякие качественные изменения предмета являются развитием, другие, полагают, что развитие только качественные изменения структуры предмета, третьи рассматривают развитие как процесс необходимых, изменений, четвертые понимают под ним то, что выше было названо историческими изменениями, и т.д.

В связи с этим разделяются мнения и по вопросу о том, воспроизведение каких именно изменений характерно для исторического метода. При этом, во-первых, как правило, не обосновывается, почему исторический метод необходимо связывать с воспроизведением тех изменений, которые называют развитием. Во-вторых, иногда недостаточно четко выделяется тот тип изменений, который рассматривают как развитие, что, естественно, затрудняет правильное, решение вопроса о сущности исторического метода, сфере его применения и эволюции. В частности, иногда это приводит к ошибочному выводу о том, что исторический метод не применяется якобы в таких науках, как физика и химия (см., напр. упомянутую выше статью Г.А. Подкорытова «Специфика исторического метода и его роль в познании»). В ответ на эти возражения нам хотелось бы привести слова, высказанные выдающимся русским естествоиспытателем К. А. Тимирязевым:

«Химия, физика, механика, говорят, не знают истории. Но это верно только в известном, условном смысле... Когда перед химиком находятся два изомерных тела, в которых анализ не обнаруживает различия, он строит предположение об их происхождении, об. их различном прошлом... всякая естественная классификация, все равно в ботанике, в зоологии или в химии, – по существу своему генетическая, но только химия имеет то громадное преимущество перед другими двумя науками, что свою генетическую классификацию она реально воспроизводит путем синтеза. И действительно, для осуществления своего синтеза химик не может ограничиваться одними указаниями анализа; он вынужден создавать гипотетическую, историю тела (стоит взглянуть хоть на родословную таблицу сахаристых веществ, которою Фишер поясняет ход своих блестящих открытий) и только здесь уже экспериментально воспроизводит этот верно угаданный исторический процесс»[1].

/21/ О нецелесообразности связывания исторического метода с воспроизведением изменений лишь определенного типа свидетельствует и другой аспект эволюции исторического метода. Применение исторического метода в ряде наук длительное время основывалось на ; воспроизведении изменений лишь элементов структуры изучаемых предметов. Только в конце XIX–начале XX в. начинается переход к новой форме исторического метода, основанной на воспроизведении изменений связей элементов и всей системы в целом. Этот переход к новой форме исторического метода происходил во всех отраслях знания. Так, в геологии рассмотрение изменений отдельных элементов земной коры в ходе применения исторического метода постепенно сменяется в XX в. исследованием процесса изменения и развития структуры Земли в целом, процесса, который «обнимает собой не только те или иные элементы структуры, но и связи этих элементов, их взаимоотношения» [2].

---

[1] К. А. Тимирязев. Исторический метод в биологии, стр. 35–36.
[2] См. М. М. Тетяев. Основы геотектоники. М.-Л., 1941, стр. 8

Исторический метод в языкознании вплоть до самого последнего времени сводился к воспроизведению изменений главным образом отдельных форм и элементов языка при отвлечении от рассмотрения тех изменений, которые претерпевают связи этих элементов системы и вся система языка в целом (такой исторический метод особенно характерен был для школы младограмматиков). И только сравнительно недавно в этой науке был поставлен вопрос о видоизменении исторического метода лингвистики, о необходимости перехода от «диахронического атомизма», при котором рассматриваются изменения лишь отдельных элементов структуры языка, к «диахроническому структурализму», /22/ т. е. к применению такого исторического метода, когда воспроизводятся не только изменения элементов, но изменения и связей элементов, а следовательно, изменения системы в целом [1]. Аналогичную эволюцию исторический метод претерпевает за последнее время и в других науках.

Глубоко ошибочно поэтому отождествлять исторический метод с той его исторически ограниченной формой, когда он основывался на воспроизведении изменений только элементов структуры изучаемых предметов при отвлечении от изменений структуры, системы в целом.

Такие ошибки, являющиеся следствием антиисторического подхода к самому историческому методу, встречались довольно часто и встречаются поныне, как"среди философов, так и среди представителей частных наук. В этой связи можно упомянуть, к примеру, позицию известного лингвиста Ф. де Соссюра по рассматриваемому вопросу применительно к языкознанию.

Несомненная заслуга его состояла в том, что он призывал лингвистов перейти от такого анализа языка, когда последний рассматривался (например, в трудах младограмматиков) как совокупность не связанных, не объединенных в систему элементов, к рассмотрению его как определенной устойчивой системы. Но, с другой стороны, Соссюр фактически закрепил и теоретически обосновал тот порочный исторический метод исследования языка, свойственный школе младограмматиков, когда рассматривались изменения лишь отдельных элементов языка. По его мнению, система, как таковая, всегда остается тождественной себе, изменяются лишь отдельные языковые явления, различные звенья, элементы системы. «Никогда система не видоизменяется непосредственно, – писал он, – в самой себе она неизменчива, доступны изменению только отдельные элементы безотносительно к их связи в целом» [2].

---

[1] См. «Вопросы языкознания», 1958, №4, стр. 99–100.

[2] Ф. де С о с с ю р . Курс общей лингвистики. М, 1933, стр. 91.

«Изменения, – указывал он в другом месте, – никогда не происходящие во всей системе в целом, но лишь в отношении одного или другого из

ее элементов, могут изучаться только вне ее» [1]. /23/ На основании этого Соссюр считал, что в ходе применения исторического метода исследователь никогда не имеет своим предметом язык в целом, язык как систему, но всегда изменения лишь отдельных элементов языка. По его мнению, изучение системы языка принципиально отрицает применение исторического метода – система может изучаться только статически.

Абсолютизация той исторически ограниченной формы исторического метода, когда он был связан с воспроизведением изменений только отдельных элементов структуры изучаемого предмета, нередко приводит к отрицанию исторического метода как метода современной науки.

Дело в том, что при таком отождествлении исторического метода с методом решения познавательных задач путем воспроизведения изменений изолированных элементов структуры предмета он выступает как прямо противоположный системно-структурному методу, который в последнее время получает все большее применение в самых различных науках. Именно это нередко и служит поводом для отрицания правомерности исторического метода как метода современной науки. Подобные ошибочные взгляды высказываются в настоящее время в среде лингвистов, социологов, биологов и других ученых. Правомерность применения исторического метода при исследовании общества отрицают, например, многие функционалисты при изучении языка – некоторые дескриптивисты и т. д. "Такие взгляды высказываются, хотя и значительно реже, и в среде советских ученых. В этой связи можно упомянуть, например, Всесоюзное совещание по математическим методам в геологии, прошедшее в конце 1965 г. в новосибирском Академгородке. На этом совещании наиболее острая и длительная дискуссия развернулась как раз вокруг вопроса о правомерности «генетического подхода», исторического метода при изучении геологических явлений. Довольно значительная группа математиков, геофизиков и. геологов в ходе этой дискуссии отстаивала положение о том, что исторический метод неприемлем для целей по-, лучения объективной и точной информации об изучаемых геологических явлениях.

[1] Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 93.

По их мнению, /24/ эта задача может быть решена только с помощью системно- структурных методов, предполагающих логико-математическую формализацию геологических понятий [1].

Вряд ли можно согласиться с" утверждениями о том, что эволюционный метод изжил себя в биологии, что следует полностью отбросить исторический метод в лингвистике, геологии и других науках в связи с получившим здесь распространение системно-структурным методом. Такое противопоставление исторического и системно-структурного методов, а также связанное с этим отрицание исторического метода совершенно не-

правомерны. При этом упускается из виду упомянутая выше эволюция исторического, а также системно-структурного методов, В ходе этой эволюции происходит сближение и объединение данных методов. Возникает качественно новая их форма – исторический системно-структурный метод, основанный на воспроизведении истории элементов некоторой системы, связей этих элементов, эволюции всей системы в целом.

Можно отметить и другие особенности эволюции исторического метода, свидетельствующие о переходе ко все более диалектическому изображению истории изучаемых объектов. А именно эта история начинает воспроизводиться не просто как постепенный, непрерывный процесс, но как процесс резких качественных изменений предмета, подготовленных его предшествующими количественными изменениями.

В качестве причин исторического процесса начинают рассматриваться не внешние для данного процесса факторы, а прежде всего внутренние противоречия, свойственные изменяющемуся и развивающемуся предмету. Исторический процесс развития предмета выступает не как движение по замкнутому кругу и не как движение «по прямой линии», а как сложный, диалектически-противоречивый процесс. По выражению Ленина, он носит «спиралевидный характер», предполагает временные отступления отклонения от общей восходящей линии, повторение некоторых особенностей пройденных этапов, но не буквальное повторение, а на качественно новой основе и т. д.

---

[1] См. Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., «Наука», 1968, стр. 475.

/25/ Блестящие образцы применения такого диалектического исторического метода мы находим в «Капитале» Маркса, а также в других работах классиков марксизма-ленинизма. Все большее применение эта форма исторического метода находит и в.современной науке.

Эволюция исторического метода происходит и по многим другим, не упомянутым выше направлениям. В ходе эволюции исторического метода расширяется, например, круг тех предметов и явлений, для познания которых ой применяется, круг тех задач, для решения которых он используется, совершенствуются средства, приемы, с помощью которых он осуществляется (в настоящее время он оказывается, в частности, все в большей степени связанным с формальными методами исследования, в первую очередь с математическими и дедуктивными приемами и т. д.). Другими словами, этот метод постепенно развивается «вширь» и «вглубь».

При анализе исторического метода важно учитывать не только его эволюцию, но и те различные формы, в которых он выступает в современной науке – на разных этапах исследования, в разных условиях познания, в связи с различными задачами, решаемыми исследователем.

Покажем это на примере рассмотрения двух форм исторического метода, в которых он выступает в современной науке.

ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Точное и полное отражение историй предмета, всякого исторического процесса предполагает воспроизведение, во-первых, таких черт, особенностей и закономерностей данного процесса, которые характерны для него в любых условиях, поскольку они обусловлены внутренней структурой самого изменяющегося- и развивающегося предмета; во-вторых, тех конкретных черт, особенностей, которые присущи данному процессу в каких-то определенных условиях и которые складываются у него в результате, воздействия на него различных факторов. В первом случае речь идет об отражении изучаемого процесса в «чистом» виде, а во втором случае – о воспроизведении конкретных форм его проявления.

/26/ Так, исследование процесса революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое предполагает выяснение, с одной стороны, таких черт, особенностей и закономерностей данного процесса, которые являются общими для всех стран (захват власти пролетариатом, национализация экономики и др.), а с другой стороны, тех конкретных форм, в которых данный процесс, внутренние, присущие ему черты, особенности и закономерности проявляются в той или иной стране, в различные периоды времени.

Однако в реальной практике научного исследования процессов изменения и развития ученых не всегда в равной степени интересуют обе указанные «стороны» (аспекты) изучаемых процессов и не всегда они имеют равную возможность их исследования. В частности, исследователя может непосредственно интересовать (или он может- в силу условий познания – воспроизводить) лишь данный процесс в его «чистом» виде.

При рассмотрении процесса образования капитала в первом томе «Капитала» Маркс ставит, например, в качестве главной и непосредственной задачу изучить «в чистом виде явление образования капитала»Поэтому, подчеркивает он, «создание стоимости и изменение стоимости рассматриваются сами по себе, т. е. в чистом виде...»[2] . И вообще, как известно, в «Капитале» Маркса воспроизводится развитие не того или иного капитализма, скажем, английского, немецкого, французского, а капитализма вообще, внутренние черты, особенности и закономерности развития капитализма как такового.

Довольно часто, например, исследователи лишены возможности непосредственно изучать давно протекший процесс развития и вынуждены восстанавливать этот процесс на основе изучения аналогичных процессов, протекающих в настоящее время. Наиболее ярким примером здесь может служить, пожалуй, восстановление биологами процесса филогенети-

ческого развития живых организмов на основе изучения эмбрионального развития.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 177,
[2] Там же, стр. 226.

/27/ Аналогичным образом в геологии приходится восстанавливать процессы, имевшие место в прошлом, на основе изучения тех процессов, которые происходят в настоящее время. В результате такого восстановления ученым удается получить некоторые достоверные знания о давно происшедших процессах. Однако, как правило, при этом изучаемый процесс восстанавливается не во всех его деталях, подробностях, а лишь в его основных чертах, особенностях, в его, так сказать, «чистом» виде, освобожденном от случайностей.

В этой связи можно сослаться на применение в лингвистике сравнительно-исторического метода, под которым понимается «научный прием восстановления (реконструкции) не зафиксированных письменностью прошлых языковых "фактов путем планомерного сравнения материально соответствующих друг другу более поздних фактов двух или нескольких конкретных языков, известных по письменным памятникам или непосредственно по живому употреблению в устной речи»[1]. Было время, когда полагали, будто на основе знаний о существующих языках, применяя определенные способы вывода, правила которых сформулированы в сравнительно-историческом методе, лингвист получает полное знание об исчезнувшем языке. Однако в ходе дальнейшего развития языкознания было установлено, что восстановление языка- основы, «праязыка», осуществляемое с помощью сравнительно-исторического метода, не дает полного знания об этом прошлом состоянии наблюдаемых в настоящее время языков, что очень многие существенные стороны этого состояния выпадают из поля зрения исследователя. «Восстановлению поддаются лишь отдельные части прошлой системы, лишь некоторая, большая или меньшая, совокупность фактов, но не вся уже исчезнувшая система во всем ее составе и строении»[2].

[1] А. И. Смирницкий. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., Изд-во МГУ, 1955, стр. 11.

2 Там же, С. 12; Б. *Дельбрюк*. Введение в изучение языка. СПб, 1904, С. 57; А. Мейе. Сравнительный методы в историческом языкознании. М., 1954, С. 20.

Значит, возможно такое отражение изучаемого процесса изменения и развития, /28/ когда исследователь рассматривает его, так сказать, в «чистом» виде, выясняет прежде всего и главным образом его внутренние черты, особенности, закономерности, отвлекаясь при этом от тех конкретных

форм, в которых данный процесс протекал в различных условиях, под воздействием различных факторов. Такой способ отражения истории предмета можно назвать абстрактно-теоретическим способом ее изображения. Для него, по словам Энгельса, характерно отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме возможна, однако, обратная ситуация, когда исследователя интересуют прежде всего и главным образом именно конкретные формы проявления в различных (в каких-то определенных) условиях изучаемого процесса: например, особенности перехода от капитализма к социализму в различных странах и в различных условиях; или, допустим, те формы проявления изучаемого в геологии процесса химической дифференциации, которые этот процесс принимает под влиянием различных условий–характера климата, рельефа береговой зоны, особенностей морского дна и т. д. Можно вспомнить, к примеру, тот факт, что Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» стремился выяснить прежде всего и главным образом специфические черты, особенности и закономерности развития капитализма в условиях России, а не капитализма «вообще».

В рассматриваемой связи интересно сопоставить также подход, таких наук, как (гражданская) история и исторический материализм, К изучению истории общества. Для исторического материализма интерес представляют в первую очередь те внутренние черты и закономерности, которые присущи развитию общества во всех странах и во все периоды времени. Историки же, напротив, стремятся выяснить прежде всего и главным образом конкретные формы, черты, особенности и закономерности развития общества в ту или иную эпоху, в той ила иной стране и.т. д.

Такой способ отражения процесса изменения и развития, когда прежде всего и главным образом воспроизводятся конкретные черты, особенности и закономерности данного процесса, которые характеризуют его в тех или иных условиях, когда, следовательно, рассматриваются конкретно-хронологические события, «зигзаги» истории, можно назвать конкретно-хронологическим способом изображения истории предмета в отличие от абстрактно- теоретического.

/29/ С указанными двумя формами отражения истории предмета связано и наличие двух форм исторического метода. Одна из них предполагает отражение истории предмета в абстрактно-теоретической форме, а другая – воспроизведение ее в конкретно-хронологической форме.

При анализе этих двух форм исторического метода можно иметь в виду следующее. Во-первых, ошибочно полагать, что, когда исследователь прибегает к абстрактно- теоретическому способу отражения исторического процесса, он совершенно не должен воспроизводить и учитывать конкретные формы данного процесса, те черты, особенности и закономерности, которые присущи ему в тех или иных условиях. Если исследователь дейст-

вительно поступает таким образом, это неизбежно приведет к искажению изучаемого процесса.

Выяснив фактически лишь некоторые (внутренние) черты, особенности и закономерности рассматриваемого процесса, он изобразит их как единственные его черты, особенности и закономерности, не осознавая того, что в различных условиях они модифицируются, видоизменяются определенным образом под влиянием различных факторов. Чтобы не допустить такой ошибки, исследователь, изучая процесс в «чистом» виде и отвлекаясь от конкретных форм его проявления, должен осознавать смысл и границы проделываемой им абстракции. А *это* предполагает учет и исследование в некоторой степени, определенным образом и самих этих конкретных форм проявления данного процесса.

Однако в силу того, что исследователя интересуют главным образом внутренние черты, особенности и закономерности изучаемого процесса, ему вовсе нет необходимости рассматривать все те конкретные формы, которые может принимать данный процесс. Ему достаточно указать на некоторые из этих форм, обратив внимание на то, что вскрываемые им внутренние закономерности процесса реально; всегда выступают в той или иной конкретной форме, и привести соответствующие иллюстрации. Именно таким образом поступил Маркс в «Капитале», применяя исторический метод при исследовании капитализма, капиталистических отношений. /30/ Рассматривая историю формирования этих отношений в «чистом» виде, т. е. основные, главные закономерности этой истории, имеющие место при возникновении капитализма в любой стране, он вместе с тем иногда иллюстрировал их проявление, их действие в той или иной стране (прежде всего в Англии).

Аналогичным образом и в том случае, когда исследователь прибегает к конкретно-хронологическому способу отражения исторического процесса, он не может ограничиться рассмотрением конкретно-хронологических событий, «зигзагов» истории, конкретных форм проявления этого процесса в тех или иных условиях, полностью абстрагируясь от внутренних особенностей, черт и закономерностей данного процесса. Напротив, при воспроизведении исторического процесса в конкретно-хронологической форме исследователь должен опираться на знания о внутренних чертах, особенностях, законах данного процесса и рассматривать, как они модифицируются, видоизменяются в тех или иных конкретных условиях. Он должен объяснить, следовательно, наблюдаемую хронологическую последовательность явлений, «зигзаги» исторического процесса как форму проявления в определенных условиях внутренних закономерностей данного процесса. В противном случае неизбежно искаженное, извращенное представление об изучаемом историческом процессе – последний изображается как простая, эмпирическая наблюдаемая, конкретно- хронологическая последовательность сменяющих друг друга во

времени явлений, не имеющая внутренней связи и внутренних закономерностей.

Но хотя анализ внутренних черт, особенностей и закономерностей исторического процесса в определенной форме необходим и при конкретно-хронологическом способе его воспроизведения, однако в данном случае этот анализ играет лишь вспомогательную роль, выступая как средство понимания и объяснения непосредственно интересующих исследователя конкретно-хронологических фактов и событий. Такую роль играли, например, открытые Марксом внутренние закономерности развития капитализма при исследовании Лениным истории капиталистических отношений в специфических условиях России.

/31/ Следовательно, воспроизведение внутренних закономерностей исторического процесса и конкретных форм его проявления – это противоположные моменты единого процесса отражения истории объекта, два противоположных познавательных действия, которые, как и всякие противоположные, предполагают друг друга.

Оба эти момента (действия) характеризуют и абстрактно-теоретический и конкретно-хронологический способы. Однако в каждом из них они выполняют особую функцию, играют особую роль и в силу этого приобретают некоторые специфические особенности. Это обстоятельство часто не учитывается в литературе, что приводит к двоякой ошибке: 1) характеризуя абстрактно-теоретический и конкретно-хронологический способы (их иногда называют иначе, например, логическим и историческим способом и т. д.), полагают, что для первого из них характерно воспроизведение только внутренних закономерностей изучаемого процесса, а для второго – только конкретно-хронологических событий и фактов; 2) правильно указывая на необходимость отражения при воспроизведении исторического процесса как его внутренних закономерностей, так и внешней формы его проявления в тех или иных условиях, отрицают возможность двоякого изображения исторического процесса, двух форм такого изображения, которые мы назвали абстрактно-теоретическим и конкретно-хронологическим.

Мы рассмотрели две формы исторического метода, в которых он выступает в современной науке. Важно учитывать и другие его формы, связанные, например, с различием тех изменений, которые воспроизводятся в ходе применения исторического метода, с различием тех задач, которые решаются при этом, с различием того «эмпирического материала», который используется исследователем, и т. д.

При анализе исторического метода особенно важно выяснить его функции, т. е. определить, когда, при решении каких познавательных задач необходимо воспроизводить историю предмета.

---

[1] Детальнее с этим можно познакомиться в книге: Б. А. Грушин Очерки логики исторического исследования. М., 1961.

ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

/32/ Необходимость применения исторического метода возникает прежде всего яри объяснении тех или иных явлений. Этот факт отмечается многими учеными. К. А.Тимирязев писал, например: «Для изучения законов равновесия и падения тел довольно данных экспериментального метода и Вычисления; для объяснения же, почему именно развалился дом на Кузнецком мосту, нужна его история. Для раскрытия законов движения небесных тел довольно законов механики, но для объяснения, почему планеты солнечной системы; движутся именно так, а не иначе (т. е. в одну сторону и т. д.), нельзя было обойтись без попытки восстановить их историю, как это сделали Кант и Лаплас»

Обращение к историческому методу в процессе объяснения это– не прихоть ученого, а объективная необходимость. Если объясняемые стороны предмета обусловлены генетической (исторической) связью его с другим предметом, а следовательно, определенным историческим процессом, то единственная возможность их правильного объяснения – воспроизведение данного исторического процесса. Если исследователь не делает этого, то указанные, стороны предмета превращаются для него в загадку. И наоборот, их легко объяснить, если «не забывать основной исторической связи, смотреть... как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[2].

Это подтверждается и фактами истории науки. В биологии, к примеру, потребность применения исторического метода впервые возникает именно в связи с задачей объяснения. До появления исторического метода здесь широко применялись такие проверенные практикой методы Научного исследовании, как сравнительный (в морфологии) и экспериментальный (в физиологии).

---

[1] К. А. Тимирязев. Исторический метод в биологии, стр. 35–36.
[2] В. Й. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

Необходимость дополнить эти методы историческим методом возникла в биологии в связи с теми трудностями, с которыми столкнулись здесь ученые при объяснении целого ряда явлений.

/33/ Морфология, например, не могла объяснить причину формообразования. С другой стороны, один лишь экспериментальный метод не позволял физиологам объяснить причину совершенства живых организмов, полного соответствия формы и функции в живых организмах. С помощью этих методов не удавалось объяснить и тот «факт сходства, связи всего живущего», который был обнаружен в самых различных отраслях биоло-

гии – в сравнительной анатомии, палеонтологии, эмбриологии, биогеографии и др. Только применение исторического метода позволило биологам преодолеть трудности в объяснении указанных явлений.

Данный факт не случаен. Те явления, которые биологам нужно объяснить, объективно представляют собой результат определенного исторического процесса. Поэтому ясно, что они не могли быть объяснены путем изучения, например, связей сосуществующих предметов и явлений. Единственным средством их объяснения могло быть только исследование исторического процесса их появления и доказательство того, что они представляют собой результат данного исторического процесса. В итоге длительных поисков биологи и пришли именно к такому объяснению. «Вековой синтез всех отраслей морфологического знания, - писал по этому поводу К. А. Тимирязев, – приводил к неизбежной дилемме: или отказаться от какого бы то ни было объяснения того родства, сходства между организмами, которое выступало со всех сторон... или признать происхождение всего живущего из одного общего источника путем непрерывного исторического процесса» [Тимирязев К.А. Исторический метод в биологии, С. 21].

Аналогичным образом и в таких науках, как языкознание, астрономия, геология, география и др., исторический метод впервые возникает в связи с потребностью объяснить те или иные особенности изучаемых явлений. В языкознании было обнаружено, например, что целый ряд языков имеет множество очень схожих между собой слов и грамматических окончаний.

/34/ Это сходство обнаруживает, в частности, древнеиндийский язык (санскрит) с современными наречиями Индии, древнеиранский (зенд), а в Европе греческий и латинский, с разными романскими языками и т. п. Сходны, к примеру, названия родства} отец – по-санскритски – pitar, по-латыни – pater, по-немецки – Vatec и т. п. Сходны и числительные: два – санскритское – dva, латинское – duo, готское – twai, немецкое – zwei и т. п. Лингвистам удалось объяснить эти сходства лишь с помощью воспроизведения исторического процесса развития языков и показа того, что эти сходства являются результатом "данного исторического процесса.

Другой пример. Глагол русского языка в настоящем времени изменяется по лицам, но не изменяется по родам (ср.: настоящее время – я *работаю, ты работаешь, он, она, оно работает)*.. *В* прошедшем времени лица не различаются, глагол, напротив, изменяется лишь по родам и то в одном лишь единственном числе (ср.: прошедшее время – *я работал, ты работал, он работал,* not *я, ты, она работала, оно работало;* во множественном же числе все три лица звучат одинаково – *работали).*

Почему же в языке в настоящее время сочетаются эти два различных принципа спряжения глагола? Почему существует такой разнобой в спряжении? Лингвисты для ответа на эти вопросы и объяснения указанных

фактов рассматривают процесс изменения и развития языка. Такое, рассмотрение показывает, что сложное прошедшее совершенное время образовалось описательно из причастия прошедшего временя и вспомогательного глагола (работал семь, еси, есть); причастие могло изменяться лишь по родам, а вспомогательный глагол – по лицам. В дальнейшем вспомогательный глагол отпал; в роли личных форм выступили причастия, изменяющиеся лишь по родам, но не по лицам. Таким образом, в настоящем времени сохранился старый принцип спряжения, а в прошедшем времени произошли изменения, в результате чего нарушилось первоначальное единообразие

---

[1] См. А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. I. М., 1953, стр. 16–17.

Следовательно, для объяснения указанных фактов лингвисты применяют историческое объяснение. /35/ Последнее действительно необходимо здесь, ибо подлежащие объяснению особенности изучаемого предмета являются результатом определенного исторического процесса, результатом исторических связей данного предмета с предшествующими ему предметами, а, допустим, не связей этого предмета с другими, существующими наряду с ним предметами.

Историческое объяснение (объяснение на основе применения исторического метода) требуется и тогда, когда изучаемое явление представляет собой «переходное состояние» и когда оно вследствие специфического места в историческом процессе обладает рядом особенностей, которые необходимо объяснить.

Воспроизведение истории предмета необходимо при объяснении таких его особенностей, которые обусловлены определенным историческим процессом, специфическим местом данного предмета в этом процессе, т. е. тем, что он является его результатом, или исходным пунктом, что он находится в развитом или неразвитом состоянии, в «переходном» состоянии и т. д. В этой связи можно привести, например, объяснение Лениным с помощью исторического метода своеобразия государственной власти в «переходный период» от капитализма к коммунизму, наличия остатков «буржуазного права» при социализме, специфики того пореформенного строя хозяйства помещиков в России, о котором Ленин писал, что это есть «переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы» [2] и т. п. И в этих случаях, когда объяснялись определенные стороны явления, представлявшего собой «переходное состояние», нужно было проанализировать исторические связи данного явления и на основе этого осознать его место в историческом процессе.

Иногда высказывается точка зрения, согласно которой исторический метод необходим только при объяснении, а при выяснении того, что

представляет собой предмет, в этом методе якобы нет никакой необходимости [3].

[1] См. В. И. Ленин. Полн. соч., т. 33, стр. 86- 89.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 186.

[3] См. Г. А. Подкорытоя Специфика исторического метова и его роль в познании. – «Вестник ЛГУ», серия экономики, философии и права, вып. 4, 1966.

/36/ В ходе дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического изучения языка В.З. Панфилов заявил, в частности, что в ходе познания определенного состояния языка «...нужно, с одной стороны, ответить на вопрос – что мы имеем, а с другой стороны – почему создалось данное состояние языка. Когда мы отвечаем на вопрос – почему именно такова качественная определенность элементов языка, то мы неизбежно должны прибегнуть к фактам истории. При описании же данного состояния языка мы можем (но не обязаны) привлекать факты историй языка...»[1].

На самом деле, однако, историческому методу принадлежит важная роль и при решении познавательных задач, связанных с выяснением того, что представляет собой изучаемый предмет.

В частности, исторический метод совершенно необходим при определении того, что представляет собой изучаемый предмет (или определенное его состояние) по своему месту и своей роли в историческом процессе, т. е. при установлении его *исторического места* и *исторической роли.* Эта функций исторического метода обычно упускается из виду. По крайней мере в той немногочисленной литературе, которая специально посвящена рассмотрению исторического метода, отсутствуют какие бы то ни было указания относительно данной функции исторического метода.

Определить историческое место изучаемого предмета – значит установить, является ли этот предмет результатом того или иного исторического процесса или его исходным пунктом, представляет ли он собой пережиток ранее существовавшего предмета или зародыш будущего предмета, находится ли он в развитом или неразвитом состоянии и т. п. Именно таким образом понимал данную задачу Ленин, характеризуя историческое место империализма в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма»[2].

При решении данной познавательной задачи исторический метод необходим потому, что выясняется место изучаемого предмета в том или ином историческом процессе, а для. этого нужно воспроизвести данный процесс.

[1] О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков, М., Изд-во СССР, 1960, стр. 115.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 385, 420 и др.

/37/ Например, на каждой ступени развития языка существуют определенные «исключения», «ошибочные» грамматические формы, которые на самом деле представляют собой пережитки оттесненных закономерностей предшествующей исторической ступени развития языка или же зародыш новых закономерностей, еще не получивших всеобщего признания. Установить это, т. е. определить их историческое место, можно только с помощью исторического метода. Так, в Ш–Х вв. н. э. встречалось немало форм, ошибочных с точки зрения классической латыни и принадлежащих уже совсем другому – живому романскому языку. Оценить эти грамматические формы как зарождающиеся формы романских языков можно, очевидно, лишь одним путем – путем воссоздания истории языка, воспроизведения исторической, связи классической латыни и романских языков, т. е. **с** помощью исторического метода [А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, С. 16–17].

Аналогичным образом для того, чтобы выяснить историческое место современной эпохи, нужно проанализировать путь, пройденный обществом за последнее время, рассмотреть изменения, претерпеваемые им в настоящее время, и учесть тенденции его дальнейшего развития. Только такое исследование, позволяет определить историческое место современной эпохи, установить, что она является переходной эпохой от капитализма к социализму. Изучение процесса формирования коммунистической общественной формации, процесса перехода от социализма к коммунизму дает возможность получить знание о первом как о неразрывном состоянии (низшей ступени), а о втором как о развитом состоянии (высшей ступени) коммунистического общества.

Исследователям часто приходится применять исторический метода связи с решением рассматриваемой задачи уже потому, что каждый изучаемый предмет содержит в себе, как правило, множество «остатков», «следов», «пережитков», «рудиментов» ранее существовавших предметов, а также «зачатки», «зародыши» тех предметов и явлений, которые появятся в будущем. Этот факт установлен в самых различных областях знания.

/38/ Так, в биологии общепризнано, что «каждая биологическая стадия имеет остатки прошлого, настоящего и зачатки будущего» [1]. Лингвисты постоянно сталкиваются с тем, «что всякая система содержит пережитки предшествующих систем, которые никогда не интегрируются в ней полностью, и что внутри современной системы языка проступают некоторые очертания той системы, которая призвана ее отменить» [2]. Психологи, геологи, представители лингвистической географии и другие ученые также отмечает рассматриваемый факт и подчеркивают, что, не учитывая его, невозможно адекватно отразить познаваемые предметы и явления[3].

Но, пожалуй, особенно ярко он проявляется в общественных явлениях. Маркс неоднократно указывал, в частности, на то, что буржуазные экономические отношения развились как результат всех прошлых общест-

венных отношений, частью продолжая влачить за собой их остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека[4]. С аналогичными фактами социологи сталкиваются при изучении любой общественной системы, любого общественного явления.

---

[1] Проблемы современной эмбриологии. Изд-во ЛГУ, 1956, стр. 117.
2 см. оригинал

3 см. оригинал

4 см. оригинал

Все это накладывает определенный отпечаток на те методы познания, которые должны применяться при познании такого рода предметов. Не обращаясь в ходе их познания к историческому методу, исследователь в принципе может выявить структуру того или иного предмета, взаимоотношение составляющих его элементов. Но без исторического метода он не сможет правильно оценить, какие из этих элементов представляют собой «остатки», «рудименты» прежних, ранее существовавших предметов, какие из них являются «зародышем», «зачатком» будущих предметов и явлений, не сможет оценить изучаемой явление как «переходное состояние», /39/ как результат или исходный пункт определенного исторического процесса. Не применяя исторического метода, исследователь не сможет дифференцировать изучаемые явления на развивающиеся, продуктивные и явления отмирающие, не сможет выяснить тенденцию, направление происходящих изменений.

Оценка исторического места предмета приобретает особое значение в тех условиях, когда исследователь рассматривает современную ему действительность и когда тот предмет, который в дальнейшем станет господствующим, пока еще находится в неразвитом состоянии (или даже имеются лишь «зародыши», «зачатки» его). В этом случае правильная оценка места данного предмета в историческом процессе имеет громадное значение для понимания всей современной действительности, для определения ее главной, стержневой тенденции развития, для понимания роли и места отдельных явлений этой действительности, для выявления ее подлинно; прогрессивных элементов. На это обстоятельство неоднократно обращал внимание Ленин, критикуя народников. В частности, он указывал, что для понимания характера хозяйственного строя России второй половины XIX в., для уяснения основного направления его развития необходимо было рассмотреть его под углом зрения тех отношений, которые складывались в определенном «уголке» данного строя, а именно капиталистических отношений в крупной машинной индустрии России, осознавая их реальное историческое место и значение.

«...Лишь рассматривая весь современный хозяйственный строй под углом отношений, сложившихся в этом «уголке», – писал Ленин, – получа-

ешь возможность разобраться в основных взаимоотношениях между различными группами участвующих в производстве лиц, а следовательно, и рассмотреть основное направление развития данного строя»[1].

Как уже отмечалось, исторический метод необходим и при определении исторической роли предмета. Определить историческую роль какого-либо предмета – значит выяснить влияние, оказываемое им (оказанное или которое он будет оказывать) на тот или иной исторический процесс.

[1] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 586.

/40/ Именно в этом смысле Ленин писал, например, об исторической роли капитализма в хозяйственном развитии России и т.д.[1].

Для определения исторической роли предмета также необходим исторический метод, ибо при решении этой познавательной задачи требуется выяснить роль данного предмета в том или ином историческом процессе, для чего необходимо воспроизвести последний. Так, для выяснения исторической роли Машинной индустрии в процессе развития общества необходимо рассмотреть этот процесс и те особенности 'его, которые обусловлены влиянием на него машинной индустрии. Только таким образом можно установить, отмечал Ленин, что машинная индустрия в громадной степени повышает производительные силы и обобществляет труд, разрушает мануфактурное разделение труда, делает необходимостью переход рабочих от одних занятий к другим, разрушает окончательно отсталые патриархальные отношения, в особенности в деревне, способствует концентрации индустриального населения[2].

В некоторых случаях при выяснении того, что представляет собой изучаемый предмет, исторический метод существенно облегчает исследователю решение стоящей перёд Ним задачи. Для уяснения этой функции исторического метода обратим внимание на слова Маркса о том, что «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» и что изучение буржуазного общества как «наиболее развитой и наиболее многообразной исторической организации производства» дает возможность «заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено»[3].

В литературе довольно часто приводятся эти слова Маркса. Однако при этом, как правило, не объясняют", почему неразвитое нельзя постигнуть, познать, не обращаясь к развитому, и какие дополнительные знания о неразвитом" состоянии может дать исследователю обращение к развитому состоянию.

[1] См. В. И. Лени и. Поли. собр. соч., т. 3, стр. 597, и далее.
[2] См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 2, стр. 179–180.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 42.

В ходе такого объяснения, по-видимому, недостаточно просто указать на то, как это часто делается, /41/ что человеку «проще», «легче» познать развитое, чем неразвитое состояние. Ибо весь вопрос в том-то и состоит, почему человеку легче познать развитое, чем неразвитое состояние. Вряд- ли оправданно также ограничиваться ссылкой на то, что ум человеческий так уж устроен, ссылаться на особенности психики человека и т. д. В первую очередь необходимо выяснить специфические особенности неразвитого состояния, те трудности в познании этого неразвитого состояния, которые обусловлены именно этими его особенностями, и определить, могут ли они быть устранены путем обращения к развитому состоянию, учитывая особенности последнего и его взаимоотношение с неразвитым состоянием того же предмета.

Предмет находится в неразвитом виде тогда, когда он только что возник из другого предмета. В этот период стороны, специфичные для него, только зарождаются, т. е. очень слабо выражены в количественном и качественном отношениях. Кроме того, помимо этих специфичных именно для него сторон он имеет, как правило,, множество сторон, доставшихся ему от того предмета, в результате изменения и развития которого он возникает, и специфичных именно для последнего. Взять хотя бы неразвитые капиталистические отношения. Рассматривая эти отношения, сложившиеся в России во второй половине XIX в., Ленин отмечал, что «капиталистическая основа современных отношений не должна скрывать... все еще могущественных остатков «стародворянского» наслоения, которые *еще не разрушены* капитализмом именно вследствие его неразвитости»[1]. В другом месте, характеризуя низшую фазу коммунизма, он указывал, что это «коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма... носит во всех отношениях отпечаток старого общества...»[2].

Наличие указанных сторон у предмета в его неразвитом виде, а также слабая выраженность его специфических сторон затрудняют для исследователя действительную сущность этого предмета, его специфику и побуждает исследователя отождествить данный предмет по его сущности с тем предметом, в результате изменения которого он возник.

/42/ То обстоятельство, что именно стороны, присущие изучаемому предмету и доставшиеся ему «в наследство» от ранее существовавшего предмета, затрудняют для исследователя действительную сущность и специфику данного предмета, когда последний рассматривается в неразвитом виде, неоднократно подчеркивалось Лениным. В частности, при рассмотрении неразвитого состояния капитализма в сельском хозяйстве России конца XIX в. он указывал, что здесь «подчинение труда капиталу прикрыто тысячами обломков средневековых отношений, которые мешают производителю видеть сущность дела» [1]. Он отмечал, что хотя «эксплуатация трудящегося в России *повсюду является по сущности своей капиталистической»,* но она здесь «еще опутана средневековыми формами, разными по-

литическими, юридическими и бытовыми привесками, уловками и ухищрениями, которые мешают трудящемуся и его" идеологу видеть сущность тех порядков, которые давят на трудящегося» [2].

В разрешении рассматриваемой трудности, возникающей в ходе познания неразвитого состояния предмета[3], исследователю и может помочь анализ развитого состояния данного предмета. Дело заключается прежде всего в том, что на ступени развитого состояния у предмета исчезают те стороны, которые достались ему от ранее существовавшего предмета и которые «маскируют» для исследователя его сущность, когда он рассматривает этот предмет в неразвитом виде. И в этом смысле сущность данного предмета, как и сам этот предмет в его специфике, на развитой ступени его развития выступают, так сказать, в «чистом» виде.

---

[1] В. И. Л е н и н. Поли. собр. соч., г. 1, стр. 504.

[2] Т а м же, стр. 310.

[3] Подобные же трудности возникают и при изучении «зародышей», «зачатков» предмета, его «пережитков» и «рудиментов». Непосредственно мы рассмотрим случай исследования неразвитого состояния предмета. Выводы, полученные при этом, с небольшими оговорками применимы и к остальным упомянутым случаям.

Так, если капиталистическая эксплуатация в своем неразвитом виде опутана еще средневековыми формами, разными политическими, юридическими и бытовыми уловками и ухищрениями, то, выступая в своем развитом состоянии как эксплуатация фабрично-заводского пролетариата, она предстает «в своем чистом виде без всяких запутывающих дело частностей»[1].

/43/ Интересно обратить внимание в этой связи на следующее замечание Маркса:

«В теории предполагается,– писал он, – что законы капиталистического способа производства, развиваются в чистом виде. В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов» [2].

Необходимо отметить, что рассматриваемая особенность предмета в его неразвитом виде была обнаружена еще Гегелем и выражена им в мистифицированной форме, будто предмет в конце развития оказывается «адекватным своему понятию».

Поскольку, следовательно, на этапе развитого состояния сущность предмета (и его специфика) «оголена» в указанном выше смысле от «всех ее затемнений и иллюзий»[3], постольку здесь при определении сущности данного предмета, при выявлении его специфики, исследователь не сталкивается уже с теми трудностями, которые у него возникают, если он пытается сделать это путем изучения неразвитого состояния. Именно в этом смысле Маркс и писал, но «развитое тело легче изучать, чем клеточку тела»[4]. Ясно поэтому, что исследователь может значительно облегчить себе

познание сущности предмета, находящегося в неразвитом виде, если он обратится к развитому состоянию того же предмета, установит их генетическую связь (т. е. применит исторический метод) и использует полученные при этом знания, для изучения неразвитого состояния предмета[5].

---

[1] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 1, стр. 310.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 25, ч. I, стр. 191–192.

[3] Ленин. ПСС, т. 1, С. 401.

[4] М. и Э. Соч., т. 23, С. 6.

[5] О конкретном «механизме» обращения исследователя к развитому состоянию предмета при определении сущности и специфики данного предмета, взятого в неразвитом виде, см. в нашей книге Столяров В.И.Процесс изменения и его познание. М.: Наука, 1966, С. 201–210.

Интересным и важным является вопрос о том, можно ли обнаружить сущность предмета путем изучения его в неразвитом виде и не обращаясь к развитому состоянию этого предмета. /44/ Отрицать такую возможность – значит допускать, что если изучаемый предмет еще не достиг стадии зрелости, то для, уяснения его сущности и специфики исследователь должен ждать того момента, когда этот предмет достигнет своего полного развития.

Практика научного познания опровергает это допущение, или по крайней мере ставит его под сомнение. Известно, например, что Маркс сумел в Парижской Коммуне разглядеть ее подлинную сущность, сумел установить, что она была, по сути дела, правительствам рабочего класса. Маркс смог, таким образом, вскрыть сущность изучаемого предмета, несмотря на то что этот предмет находился еще в неразвитом виде. Причем выводы относительно того, каким должно быть правительство рабочего класса в его зрелом виде, Маркс сделал опять-таки именно На основе изучения опыта Парижской Коммуны. Известно далее, что Ленин выяснил подлинную сущность Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, возникших в ходе первой русской революции, охарактеризовав их как новые органы революционной власти. И при этом сам вывод о том, что именно Советы должны быть новой формой революционной власти пролетариата, Ленин сделал на основе рассмотрения именно этой, еще неразвитой их формы.

Принципиальную возможность раскрытия сущности предмета, когда он рассматривается в неразвитом виде, без обращения к его развитому состоянию, заставляет признать также целый ряд теоретических соображений. Одно из них состоит в том, что на этапе неразвитого состояния стороны, составляющие сущность данного предмета, специфически характеризующие его, уже возникли и потому в принципе могут быть обнаружены исследователем.

Другое дело, каким образом это можно сделать легче, с меньшими трудностями. Как было показано выше, выявление сущности и специфики изучаемого предмета, взятого в неразвитом виде, без обращения к анализу развитого состояния, связано с большими трудностями. Но это отнюдь не отрицает принципиальной возможности обнаружения искомой сущности и специфики предмета в его неразвитом виде, без анализа его развитого состояния.

Мы рассмотрели те основные случаи, когда исследователю нужно обращаться к анализу историй изучаемого предмета, т. е. применять исторический метод. /45/ Для правильного понимания роли и значения исторического метода в современной науке важно рассмотреть также вопрос о правомерности отвлечения от истории изучаемого предмета.

ПРАВОМЕРНОСТЬ ОТВЛЕЧЕНИЯ ОТ ИСТОРИИ ИЗУЧАЕМОГО ПРЕДМЕТА

Данный вопрос неоднократно обсуждался в литературе. Он затрагивался, например, входе дискуссий о месте и значении исторического метода в биологии, о соотношении исторического и «пространственного» методов в географии и геологии, о взаимоотношении исторического и структурно-функционального методов в общественных науках, в соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков в лингвистике ..и т, д. Ставились и разбирались вопросы о том, какую роль играет воспроизведение истории языка в процессе его познания, когда и для каких целей оно необходимо, а в каких случаях можно (надо) абстрагироваться от такого изучения. «Возможно ли чисто синхронное описание языка… Включает ли анализ синхронного среза изучение тенденций развития, показ исторического соотношения элементов системы или синхронный анализ ограничивается установлением только системных связей; обязателен ли при этом исторический комментарий» [О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков, С. 3].

В ходе этих дискуссий неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой всякое отвлечение от историй изучаемого предмета неправомерно.

Нужно отметить, что поводом для этого нередко служили те ошибочные аргументы, которые- приводились для обоснования правомерности отвлечения от .истории предмета. Так, в ходе дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического изучения языка многие лингвисты обосновывали необходимость абстрагирования от истории языка при решении ряда познавательных задач ссылкой на возможность двоякого анализа языка: синхронного рассмотрения его в определенный момент (период) жизни и фиксирования «совокупности синхронических срезов». /46/ В первом случае, по их мнению, нет необходимости в обращении к истории языка.

Но с этим трудно согласиться. Не существует такого момента (периода) времени, в течение которого реальный язык не претерпевал бы более или менее существенные изменения, Полное и всестороннее знание о языке в этот момент (период) предполагает поэтому учет и рассмотрение его изменений, тенденций развития и т. д. Это обстоятельство отметил, например, А. М. Финкель в своем выступлении на дискуссии, которая была организована Институтом языкознания АН СССР в 1957 г.:

«Но что такое отдельный момент (для любой эпохи) в жизни языка? Ведь какой «момент» может длиться веками и все же считаться одним этапом в истории языка. Что такое современный русский литературный язык? Общепринятым является, что современный русский литературный язык начинается со времени Пушкина. Что же он – неподвижный? Смешно об этом говорить. Никто так этого себе не представляет. И в этом «моменте» мы видим достаточно длительный период с очень активными, интересными и разнообразными процессами изменения, возникновения, отмирания, развития и т. д. и т, д., и эту историю из описательности не выкинешь»[1].

Аналогичным образом и другие участники дискуссии (К. А, Тимофеев и др.) обращали внимание на то, что задачи синхронного анализа состоят не только в том, чтобы учесть то постоянное, устойчивое, что характеризует систему языка на данном этапе его изучения, но и в том, чтобы рассмотреть изменения языка, тенденции его развития в пределах данного среза, ибо «движение языка никогда не прекращается»[2] Поэтому в какой бы момент (период) мы ни рассматривали язык, для получения полных, всесторонних знаний о нем необходимо изучить его изменения за этот момент (период), вскрыть тенденции развития и т. д.

---

[1] О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков, С. 89.

[2] Там же, стр. 117.

/47/ Именно на этом основании А. Д. Финкель, К. А. Тимофеев и другие участники упомянутой дискуссии и отрицали правомерность какого-либо отвлечения от истории языка в ходе его познания.

Ссылка на постоянное изменение и развитие изучаемых предметов довольно часто используется как аргумент против признания правомерности отвлечения от истории этих предметов.

При выдвижении данного аргумента упускается из виду прежде всего тот факт, что все предметы и явления (язык гоже не составляет в этом отношении исключения) – не только изменяющиеся и развивающиеся предметы и явления, но вместе с тем и обладающие относительной устойчивостью, постоянством, тождественностью в течение определенного времени и сохраняющие определенные стороны, элементы и т. п.» несмотря на происходящие с ними изменения [Подр. обоснование этого положения см. в работах Н.Ф. Овчинников. Законы сохранения. М., 1968; В.И. Свидерский. Противоречивость движения и ее проявления. Л., 1959 и др.].

Другими словами, всякий предмет не только претерпевает историю, но он имеет определенные стороны, характеризующие его относительную устойчивость. К такого рода сторонам относятся, например, функций предмета, его структура, структурные связи предмета, количественные характеристики и т. д. Воспроизведение этих сторон изучаемого предмета отнюдь не тождественно получению знания об истории данного предмета, и наоборот. Так, если мы получили знание о структуре языка, о его функциях в обществе, о его структурных связях с другими элементами общества (например, с мышлением), то тем самым мы воспроизвели совсем иное, нежели историю языка.

В некоторых случаях при решении ряда познавательных задач возникает объективная необходимость в воспроизведении не истории изучаемого предмета, а таких его сторон, которые характеризуют его относительную устойчивость, инвариантность, постоянство.

В этой связи мы вновь вернемся к вопросу о значении исторического метода при объяснении тех или иных особенностей изучаемых предметов и явлений. /48/ Довольно часто, отмечая важное значение исторического метода как средства объяснения, абсолютизируют это его значение, рассматривая исторический метод как единственное средство объяснения. Тенденция к подобной абсолютизации проявилась, например, в дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического изучения языка в утверждениях о том, что только возникновение исторического языкознания превратило 'эту науку о языке из описательной в объяснительную, что исследование истории; необходимо при объяснении любых фактов языка и т. д. [См. О соотношении синхронного анализа…, С. 64, 81, 115].

Исторический метод не является, однако, универсальным средством объяснения. Дело в том, что те особенности изучаемого предмета, которые требуется объяснить, могут быть обусловлены не генетическими связями предмета, а его структурой или структурными связями. Под структурными связями мы понимаем связи одновременно существующих элементов некоторой . системы, которые не преобразуются, не изменяются, друг в друга, а взаимодействует друг с другом в данной системе, выполняя здесь определенные функции. Типичным примером структурной связи может служить связь базиса и надстройки, производительных сил и производственных отношений, языка и мышления и т. п., когда они рассматриваются как одновременно существующие элементы некоторой системы.

В том случае, когда подлежащие объяснению особенности изучаемого предмета обусловлены не генетическими связями данного предмета, а его структурой, структурными связями, применение исторического метода в качестве средства объяснения может привести лишь к ошибкам. Здесь нужен иной метод, предполагающий абстрагирование от истории

предмета и воспроизведение необходимых связей одновременно существующих явлений.

В этой связи можно вспомнить, к каким искажениям приводили попытки буржуазных экономистов объяснить факт получения капиталистами прибавочной стоимости путем обращения к истории. Правильное объяснение этого факта, данное Марксом, было достигнуто совсем иным путем – путем воспроизведения (понимания и раскрытия внутренней сущности) отношения рабочих и капиталистов, существующего при капитализме.

/49/ Еще в «Экономическо-философских рукописях» Маркс выступал против того, чтобы все особенности изучаемых явлений объяснять путем обращения к истории. «Мы не последуем примеру политико-эконома (имеется в виду буржуазный экономист. - *В.С.),* – писал он здесь, – который, желая что-либо объяснить, переносится в вымышленное им первобытное состояние. Такое первобытное состояние ничего не объясняет. Ссылаясь на первобытное состояние, политико- эконом только отодвигает вопрос в серую туманную даль. Он предполагает в форме факта, события то, что он должен дедуцировать, а именно – необходимое взаимоотношение между двумя вещами, например, между разделением труда и обменом. Таким же образом теолог объясняет происхождение зла грехопадением, т. е, он предполагает как факт, в форме исторического события, то, что он должен объяснить»[1].

Исторический метод в ходе, объяснения не всегда применяется (должен применяться) даже в такой исторической науке, как языкознание. В частности, когда особенности какого-либо элемента языковой системы определяются его отношениями с другими элементами этой системы, лингвисты абстрагируются от изучения истории, исторических связей, и рассматривают указанные отношения сосуществующих элементов языковой системы.

Конечно, для объяснения всех особенностей научаемого предмета необходимо рассмотреть его историю, генетические связи, выяснить его структуру, а также проанализировать его отношения с другими элементами той системы, в которую он входит как элемент, и т.д.[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М Госполитиздат, 1956, стр. 560.

[2] В некоторых случаях, напр., при объяснении специфической формы протекания изучаемого процесса, при объяснении его механизма и т.п., исследователь должен обращаться к рассмотрению причинных связей, выяснять влияние на форму процесса или на его механизм тех или иных факторов и т.д.

/50/ Исследователь с необходимостью должен абстрагироваться на определенном этапе познания от истории изучаемого предмета даже тогда, когда он ставит перед собой задачу получить знание об этой истории, в

чем ярко раскрывается диалектическая природа, противоречивый характер процесса познания. Необходимость в таком отвлечении от истории изучаемого предмета связана с наличием определенной закономерности познания, о которой Энгельс писал: «Надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно *было* заняться теми изменениями, которые с ним происходят»[1].

Данная закономерность познания отмечалась и другими философами. Уже Гегель на примере истории' философии показал, что воспроизведение истории предмета существенно зависит от того представления о самом данном предмете, с которым приступают к рассмотрению его истории. Для того чтобы познать в истории философии поступательное шествие философии как развитие идеи, отмечал Гегель, необходимо уже уметь знание идеи. Он сравнивал авторов, которые пишут об историй философии, не зная того, что такое философия, с животными, которые прослушивают' все звуки музыкального произведения, но при этом не улавливают гармонии этих звуков [2].

Маркс в «Экономическо-философских рукописях» и в «Немецкой идеологии», а позднее и в других своих заботах, показал, что до тех пор, пока исследователь те уяснит себе точно тот предмет, историю которого он собирается писать, до тех пор все его попытки написать историю будут несостоятельны с научной точки зрения.

Искаженное представление о том предмете, который претерпевает историю, приводит и к искаженному изображению самого исторического процесса. Подходя, например, с воспроизведению процесса возникновения капитала с теми, представлениями **о** сущности капитала, которые имелись у буржуазных экономистов, считавших, что капитал – это «накопленный труд вообще» (палка дикаря тоже есть накопленный труд), невозможно получить то изображение действительного процесса возникновения, капитала, которое дал Марки, исходивший из совершенно иного понимания сущности капиталистических отношений. Не случайно историческая связь капитала с предшествующими ему общественными формами, сам исторический процесс его зарождения Маркс воспроизводит лишь в 24-й главе «Капитала».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 303.
[2] См. Гегель. Соч., т. IX. М., 1932, стр. 6–7.

/51/ Только выяснив предварительно сущность капитала и установив, в частности, что «капиталистическое отношение предполагает, что собственность на условия осуществления труда отделена от рабочих»[1], Маркс, принимается и за воспроизведение истории возникновения капитала. На основе знания о том, что представляет собой капитал, о его сущно-

сти и специфике, Маркс не только получает возможность четко отличить историю капитала от истории других общественных явлений, но вместе с тем раскрывает сущность данного исторического процесса, приходя к выводу, что «процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, ках процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда...» [2].

Попытка воспроизведения истории предмета до выяснения самого этого предмета может привести, и к тому, что исследователь на самом деле будет рассматривать историю совсем другого предмета. Так, если пытаться изучать возникновение человеческого мышления, не уяснив предварительно, что такое человеческое мышление, в чем его сущность и специфика, то легко ошибиться и принять уже простейший акт отражения, свойственный животным, за возникновение той формы отражения, которая специфически характеризует человеческое мышление.

Все высказанное выше объясняет, почему исследователь с необходимостью должен абстрагироваться на определенном этапе познания от истории изучаемого предмета даже тогда, когда его интересует непосредственно эта история, и рассмотреть, что представляет собой тот предмет, историю которого он хочет написать.

Таким образом, практика научного исследования и теоретический анализ закономерностей познания показывают возможность и даже необходимость абстрагирования на определенном этапе от воспроизведения истории изучаемого предмета и применения соответствующего метода познания. /52/ Она предполагает воспроизведение не. истории предмета, а сторон, характеризующих его устойчивость,, постоянство (такой метод называют по-разному: статическим, синхроническим, пространственным, логическим и т. д.).

К такому выводу приходили и приходят в настоящее время представители самых различных наук. В языкознании на него обращали внимание, например, такие лингвисты, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н, В. Крушевский и другие. Они полагали, что язык – это не только постоянно изменяющееся и развивающееся явление, но и целостная система, находящаяся в, устойчивом. состоянии. Исходя из этого, они считали, что ори познании языка нужен двоякий метод; метод статического и метод исторического его рассмотрения. Так, И. Д. Бодуэн де Куртенэ говорил об отличии «закона и условий жизни звуков в состоянии языка в один данный момент (статика звуков)» от «закона и условий развития звуков во времени (динамика звуков)», полагая, что с этим различием связано и разделение двух методов познания языка – статического и динамического[1].

Как можно установить из записей Л. В. Щербы, Бодуэн де Куртенэ выделял в структуре лингвистики, с одной стороны, статику – «описание и исследование того, что существует без учета понятия изменчивости», а с другой стороны, «историческую фонетику»; констатирующую изменения

"в языке, и динамику, занимающуюся «исследованием и определением условий изменчивости»[2] . Развивая эти мысли, Н. В. Крушевский писал о возможности рассмотрения «системы в порядке сосуществования или в порядке последовательности»[3].

[1] И. А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. – «Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков». М., Учпедгиз, 1956, стр. 233.
[2] см. оригинал
[3] см. оригинал

/53/ Однако наиболее четко положение о необходимости применения двух упомянутых методов в процессе познания языка было сформулировано. Ф. де Соссюром, Который называл эти методы соответственно диахроническим и синхроническим. К такому поводу он Пришел на основе критической оценки методов предшествующей лингвистики, стремясь преодолеть свойственные ей методологические пороки и одновременно взять всего положительное, что она разработала.

По мнению Соссюра, недостаток прежней исторической лингвистики – в том виде, как она была разработана Боппом – состоял в том что она слишком мало внимания уделяла анализу отдельных «состояний» языка» , а если и затрагивала и в какой-то мере, то делала это «весьма несовершенным образом»[1] . С другой стороны, отмечал Соссюр, те, кто изучал язык до основания лингвистической науки, т. е. «грамматики, пользовавшиеся традиционными методами, основное внимание уделяли описанию «состояний» языка, «их программа строго синхронична». Например, так называемая грамматика Пор-Рояля пыталась описать состояние французского Языка при Людовике XIV и определить составляющие его элементы. При этом она отвлекалась от воспроизведения истории языка; в частности, «ей для этого не требуется средневековый язык, она строго следует горизонтальной оси...» [2].

На основе такой методологической оценки традиционной и современной ему лингвистики Соссюр пришел к следующему Выводу: «Лингвистика слишком большое место уделяла истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики, но уже сыновым духом и с Новыми приемами, т. е. обновленной историческим методом, который со своей стороны поможет лучше осознать состояние языка» [3].

[1] Ф. де Сосеюр. Курс общей лингвистики, стр. 89
[2] Там же, С. 90
[3] Там же, С. 90

Уже из этого высказывания видно, что Соссюр отнюдь не предлагал совсем отбросить исторический метод, как это часто утверждают. Он призывал лишь дополнить этот метод иным методом, который предполагает рассмотрение языка как относительно устойчивой системы, выяснение составляющих ее элементов, /54/ анализ их структурных связей и т. д. «Каждый язык, – писал он, – представляет практически одну единицу изучения, так что силою вещей приходится рассматривать его попеременно и статически и исторически»[1].

Аналогичным образом и в других науках неоднократно высказывался и высказывается взгляд, согласно которому исторический метод должен дополняться и выступать в единстве с другим методом, который предполагает отвлечение от истории предмета и воспроизведение сторон, характеризующих его относительную устойчивость.

В современной географии и геологии все большее распространение получает концепция, согласно которой успешное познание явлений, изучаемых в этих науках, возможно только путем применения Двух упомянутых методов (они называются здесь историческим и пространственным методами), «Путь к познанию сущности географических явлений, «- отмечает известный советский ученый К. К. Марков, – в сочетании обоих методов – исторического и пространственного»[2].

Многие биологи, будучи активными сторонниками исторического метода в биологии, тем не менее обращают внимание на то, что не следует чрезмерно абсолютизировать значение данного метода и упускать из виду возможность и необходимость отвлечения в определенных случаях от эволюции живых организмов. «...Физиолог вправе оставлять в стороне эволюционные вопросы, – писал, например, А. Н. Северцов, – поскольку они не касаются ближайших задач его исследований: это вполне законное ограничение и упрощение проблем, и такое ограничение, конечно, не есть отрицание эволюционного учения» [3].

При решении вопроса о правомерности отвлечения от историй изучаемого предмета важно учитывать, однако условия и пределы такого абстрагирования.

---

[1] Ф. де С о с е ю р . Курс общей лингвистики, стр. 102.

[2] К. К. М а р к о в . Исторический метод в физической географии. – «Вопросы географии», сб. 9, 194, стр. 79–80.

[3] А. Н. С е в е р ц о в . Собр. соч., т. III. М.–Л., Изд-во АН СССР, стр. 14.

Исследователь, решая стоящие перед ним познавательные задачи и абстрагируясь от воспроизведений истории изучаемого предмета, /55/ должен соблюдать определенные условия, если он не желает прийти к искаженному образу изучаемого предмета. Прежде всего он должен *осознавать место и границы абстрагирования от истории предмета, функцию,* выполняемую этим абстрагированием в процессе познания.

Осознание границ абстрагирования предполагает оценивать, во-первых, анализ, проводимый при таком абстрагировании, лишь как момент, этап процесса познания изучаемого предмета и, во-вторых, учитывать, что благодаря абстрагированию получаются знания лишь о некоторых, а не о всех сторонах изучаемого предмета.

Поэтому, абстрагируясь от истории изучаемого предмета, исследователь прежде всего должен обосновать данное абстрагирование, т. е. показать, что при решении стоящих перед ним задач нет необходимости в изучении истории и даже есть необходимость в отвлечении от ее изучения). Кроме того, в дальнейшем, если, конечно, представится необходимость, исследователь должен вернуться к анализу той истории предмета, от которой он вначале абстрагировался.

Значение осознания места и границ проделываемого абстрагирования от истории предмета можно показать на таком примере.

Известно, что метафизическое, антиисторическое исследование общества состоит прежде всего в том, что вместо изучения конкретно-исторических форм общества начинают рассуждать об обществе вообще.

«Это самый наглядный признак метафизики, – отмечал Ленин, – с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли a priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными». И далее «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный* анализ *одного* общества и *одного* прогресса – капиталистического»[1].

Значит ли это, что научные рассуждения об обществе вообще или о производстве вообще и т. п. являются метафизическими и связаны с ложным, искаженным пониманием изучаемого предмета? По-видимому, нет.

Ведь известно, например, что Ленин в докладе на VII съезде партии решительно выступил против требования, чтобы из новой программы партии были исключены «рассуждения» о товарном производстве вообще и о капитализме вообще. «...Выбросить все, что относится к характеристике товарного производства вообще, капитализма вообще, – указывал Ленин, – мы не имеем оснований»[1].

/56/ Данную проблему применительно к производству вообще рассматривал и Маркс. «...Если речь идет о производстве, – писал он, – то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития – о производстве общественных индивидуумов. Может поэтому показаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо проследить процесс исторического развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой, например, с современным буржуазным производством...»[2].

Маркс отмечает, однако, что данное представление относительно невозможности исследования производства вообще в отвлечении от процесса его развития не соответствует действительности. При определенных условиях можно и даже нужно рассматривать именно производство вообще, абстрагировавшись от процесса его исторического развития и от тех специфических форм, которые оно принимает в ходе этого развития. «...Все эпохи производства, – пишет Маркс, – имеют некоторые общие признаки, общие определения. *Производство вообще* – это абстракция, но

абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений»[3].

[1] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 36, стр. 48.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 710–711.
[3] Там же, стр. 711.

/57/ Одновременно Маркс предупреждает, что данная абстракция является разумной и необходимой лишь в том случае, если исследователь осознает ее смысл и значение. «Определения, которые действительны для производства вообще, – указывает он, – должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства... не было забыто существенное различие» [1]. Забвение этого, подчеркивает Маркс, приводит к ошибкам, допускаемым, в частности, буржуазными экономистами, «которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений. Они доказывают, например, что никакое производство невозможно без орудия производства, хотя бы этим орудием была только рука, что никакое производство невозможно без предшествующего, накопленного труди, хотя бы этот труд был всего лишь сноровкой, которую рука дикаря приобрела и накопила путем Повторяющихся упражнений. Капитал есть, между прочим, также и орудие производства, и прошлый объективированный труд. Стало быть, капитал есть всеобщее, вечное естественное отношение. Это получается потому, что «отбрасывают как раз то специфическое, что одно только и делает «орудие производства», «накопленный труд» капиталом» [2].

Маркс показывает, следовательно, что если при изучении производства вообще и абстрагировании от тех различий, которые это производство вообще приобретает в ходе своего развития, исследователь осознает действительный смысл, значение и границы проделываемой абстракции, то и сама эта абстракция производства вообще становится правомерной, разумной.

Эту мысль Маркс неоднократно подчеркивал и в других своих работах. В частности, об этом он писал в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.». При теоретическом исследовании капиталистических отношений, отмечал Маркс здесь, предполагается то обстоятельство, что владелец денег находит рабочую силу на рынке как товар и происходит абстрагирование от того, что «эта предпосылка, из которой здесь исходим мы и из которой исходит в своем процессе производства буржуазное общество, является, очевидно, результатом долгого исторического развития, итогом многих экономических переворотов и предполагает гибель других способов производства (других общественных производственных отношений) и определенное развитие производительных сил общественного труда».

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 711.
[2] Там же.

Такая «диалектическая форма изложения» капиталистических отношений, получаемая на основе указанной абстракции, отмечает Маркс, «верна только в том случае, если она знает свои границы», т. е. если при отвлечении от указанного исторического процесса осознается место, значение и границы проделываемой абстракции [1].

Таким образом, Маркс абстрагировался от истории, капиталистических отношений и в «Капитале». Приступая в этой работе к анализу капиталистических отношений с целью раскрытия их сущности, Маркс сразу же отмечает, что они представляют собой «результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства» [2]. Однако, заявляет Маркс, этот исторический процесс пока не должен интересовать исследователя, поскольку речь идет о выяснении сущности капитала и объяснении факта получения прибавочной стоимости [3].

Благодаря тому что Маркс с самого начала, уже в 4-й главе «Капитала», указал на наличие исторического процесса образования капитала, хотя непосредственно этот процесс рассматривается лишь в 24-й главе, он четко определил границы своего первоначального исследования и показал, что он осознает смысл и значение проделываемой им абстракции от истории капиталистических отношений. Вернувшись же в ходе дальнейшего анализа к этой истории, Маркс тем самым снимает ограниченность предшествующего этапа исследования и дает адекватный образ изучаемого предмета.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.. т. 46. ч. II, стр. 491.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. т. 23, стр. 180.

[3] Совершенно недвусмысленно Маркс обращал внимание на это обстоятельство еще в своих подготовительных работах. Хорошо известно его высказывание о том. что. «для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений»* (К. Маркс в Ф. Энгельс. Соч.. т. 46. ч. 1. стр. 449). Аналогичным образом Ленин отмечал, что при абстрактно-теоретическом исследовании капитализма имеет значение «лини, развитой и вполне сложившийся капитализм, а вопрос об его происхождении устраняется» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 620).

В рассматриваемой связи можно вспомнить и оценку Марксом идеи физиократов о минимуме заработной платы. /59/ Известно, что, несмотря на явный антиисторизм физиократов, состоящий в том, что они не рассматривали изменение зарплаты, Маркс положительно оценивал саму их идею о минимуме зарплаты. Этот антиисторизм, указывал он, «нисколько не затрагивает абстрактной правильности их выводов...» [1]. Дело в том, что для уяснения сущности процесса получения прибавочной стоимо-

сти необходимо на определенный момент отвлечься от процесса изменении заработной платы и принять ее за величину постоянную, неизменную. Именно такую абстракцию совершает и «Капитале» и сам Маркс при рассмотрении сущности капиталистической эксплуатации. Заслугу физиократов Маркс и усматривал и том, что они сумели осуществить подобную абстракцию.

Другое дело, как физиократы проделали данную абстракцию. Они абсолютно абстрагировались от изменения заработной платы, не осознавая смысла и значения такого абстрагирования. Именно в этом, а не просто в том, что они отвлекались от изменения заработной платы, состояла их метафизичность и антиисторичность. Маркс, напротив, проделывая рассматриваемую абстракцию, осознает ее смысл и значение, обосновывает ее правомерность и отвлекается от изменения заработной платы лишь на определенном этапе исследования. В дальнейшем при анализе развития степени эксплуатации труда в истории капитала он рассматривает специально и изменение заработной платы.

Следовательно, абстрагирование от истории предмета (как и вообще всякое абстрагирование от какого-либо явления) может быть двояким. Оно может осуществляться таким образом, что исследователь при этом четко осознает место и границы проделываемой абстракции, ее функцию в процессе познания [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, ч. I. стр. 14.

[2] Такой способ абстрагирования от истории, как ЛЕ1КО заметить, предполагает исторический подход к предмету исследования, т. е. учет факта его изменения и развития, хотя и не связан с воспроизведением, специальным изучением данного процесса, что составляет сущность исторического метола. Поэтому нельзя отождествлять исторический подход и исторический метод, как это сплошь и рядом делается в литературе.

/60/ Однако в процессе познания исследователь может абстрагироваться от истории (или от каких-то других сторон) предмета, не осознавая этого, не понимая смысла и значения проделываемой им абстракции. Именно такое отвлечение от истории (а также от других сторон) предмета и характеризует метафизический метод (в рассматриваемом отношении). В отличие от временного абстрагирования при историческом подходе к изучаемому предмету такое абстрагирование, характерное для метафизического метода, можно назвать абсолютным.

Такое абстрагирование от истории, изменений и развития предмета, может быть вызвано разными обстоятельствами. Исследователь может, в частности, изучать предмет в таких условиях (в такой период времени), когда этот предмет не изменяется, остается постоянным. Если при этом исследователь не учитывает тот факт, что в других условиях, в другое время изучаемый предмет изменяется, он неизбежно совершает абсолютное аб-

страгирование от истории данного предмета. Такое абстрагирование может быть вызвано и тем, что имеющийся у исследователя эмпирический материал, находящиеся в его распоряжении приборы и т. п. не дают возможности получить знание об истории изучаемого предмета.

Именно в таких условиях, как известно из истории пауки, длительное время находились биологи, астрономы, геологи и т. п. Абсолютизация этих условий познания, забвение того факта, что при наличии другого эмпирического материала, других приборов и т. п. вполне возможно воспроизвести историю предмета, также может привести и действительно приводила к абсолютному абстрагированию от истории изучаемых предметов.

Причиной того факта, что, абстрагируясь от истории предмета, исследователь не осознает реального смысла и значения такого абстрагирования и тем самым превращает временное отвлечение от истории предмета в абсолютное, может быть также определенное (например, буржуазное) мировоззрение исследователя, его классовая заинтересованность и т. п., не говоря уже о сугубо личных качествах исследователя, связанных с уровнем его профессиональной подготовки, образования и т. д.

/61/ Наконец, следует отметить, что полное и абсолютное абстрагирование от истории изучаемых предметов, связанное с отсутствием понимании реального смысла и значения таком абстрагирования, характеризует целый период истории человеческого познания. Этот факт был обнаружен и объяснен еще Энгельсом в его работах «Диалектика природы , «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и др. Дело в том, что осознание смысла и значении рассматриваемого принесен абстрагирования возможно лишь тогда, когда складывается представление об изучаемых предметах и явлениях как об изменяющихся и развивающихся, т.е. при историческом (диалектическом) подходе к ним. Л такой подход, как показал Энгельс, возник лишь на определенном этапе развития научного познания.

Абсолютное абстрагирование от истории, характерное для исследователя, который пользуется метафизическим методом, неизбежно приводит к ошибкам. Здесь можно вспомнить, например, о тех многочисленных ошибках, которые допускали буржуазные экономисты. Так, они смешивали производительность труда вообще с производительностью труда при капитализме, закон стоимости с историческими формами его проявления и т. д. Например, А. Смит в книге «Богатство народов» (кн. II, гл. 3) дает два определения производительности труда, одно из которых специфически характеризует капиталистический способ производства, а другое фиксирует производительность труда вообще. Оба эти определения он рассматривает как характеризующие один и тот же капиталистический способ производства. Маркс писал об этой ошибке Л. Смита: «Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными его формами, а следовательно вечными естественными формами

производств, может смешивать вопрос о том, что такое *производительный труд* с точки зрения капитала, с вопросом, какой труд вообще является производительным, или что такое производительный труд вообще» [1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 26, ч. I, стр. 400.

/62/ Касаясь аналогичных ошибок других буржуазных экономистов, Маркс указывал, что они смешивали и отождествляли законы одной определенной ступени в истории общества с законами, присущими всякому общественному строю, капиталистическое производство – с производством вообще и т. д. Объясняя причины этих ошибок, Маркс неоднократно обращал внимание на то, что эти экономисты (в силу своего буржуазного мировоззрения и т. п.) абсолютно отвлекались от истории капиталистического общества, не осознавая смысла и значения проделываемой ими абстракции.

Все это показывает, что абстрагирование от истории изучаемого предмета при отсутствии четкого осознания смысла и значения такого абстрагирования приводит к метафизическому (а значит, ошибочному) способу мышления. Этот важный факт следует постоянно учитывать в практике научного познания.

Итак, как было показано выше, на основе теории материалистической диалектики был проанализирован один из важных методов современной науки – исторический метод.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы познакомились с одним из важных методов современной науки – историческим методом. Под историческим методом на протяжении всего изложения мы понимали метод решения познавательных задач, возникающих перед ученым, путем получения знаний об истории предмета, о тех изменениях, в ходе которых он возникает, Переходит из одного состояния в другое и преобразуется в иной предмет.

Исторический метод прошел сложную эволюцию в ходе развития научного познания. В частности, первоначально этот метод основывался на воспроизведении исторического процесса лишь как эмпирически наблюдаемой конкретно-хронологической последовательности сменяющих друг друга во времени явлений.

В современной же науке, в трудах ученых, пользующихся (сознательно или стихийно) методом материалистической диалектики, исторический метод выступает уже как метод, предполагающий воспроизведение исторического процесса в его внутренних закономерностях и понимание наблюдаемых конкретно-хронологических событий, зигзагов истории как внешней формы проявления этих внутренних закономерностей в тех или иных конкретных условиях.

/63/ Другой важный аспект эволюции исторического метода состоял в том, что длительное время его применение в ряде наук основывалось на воспроизведении изменений лишь элементов структуры изучаемых объектов и только в конце XIX – начале XX в. начинается переход к номой форме метрического метода, основанной на воспроизведении изменений связей элементов и всей системы и целом.

Выше рассмотрены и другие особенности эволюции метрического метода, которые свидетельствуют о том, что в процессе развития научного познания происходит переход ко все более диалектическому изображению истории изучаемых объектов. Эта история начинает воспроизводиться как диалектически-противоречивый процесс качественных преобразований, подготовленных предшествующими количественными изменениями, как процесс, происходящий не по замкнутому кругу, а по спирали, и т. д.

Таким образом, в современной науке, как подробно было показано выше, исторический метод выполняет важные функции. Он позволяет, в частности:

1) установить историческое место предмета, т. е. выяснить, является ли он результатом того или иного исторического процесса или его исходным пунктом, представляет ли он собой «пережиток» ранее существовавшего предмета или «зародыш» будущего предмета, находится ли он в развитом или неразвитом состоянии и т. д.;

2) определить историческую роль предмета, т. е. выяснить то влияние, которое он оказывает (оказывал или будет оказывать) на тот или иной исторический процесс;

3) объяснить определенные особенности изучаемого предмета, а именно те, которые обусловлены его генетическими связями с другими предметами;

4) уяснить специфику и сущность предмета, рассматриваемого в неразвитом виде, и т. д.

Вместе с тем мы пытались показать, что в некоторых случаях ученый может временно абстрагироваться от воспроизведения истории изучаемого предмета. Это не приведет его к ошибкам, /64/ если он четко осознает смысл, значение и границы проделываемой им абстракции и на определенном этапе познания обращается к анализу истории предмета.

Следовательно, исторический метод как элемент диалектического способа мышления действительно играет важную роль в современной науке, хотя и не является универсальным (единственным) методом.